

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ТЕМПЕРАТУРА
УСКОРЕНИЯ

Эдуард Сероусов

Температура ускорения

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Температура ускорения / Э. Сероусов — «Автор», 2025

2147 год. Корабль «Прометей» движется к Проксиме Центавра с постоянным ускорением 10g. Пять человек в жидкостных капсулах. Шесть месяцев — и их тела изменятся необратимо. Но на третий месяц полёта экипаж обнаруживает: они не одни. Эффект Унру — реальный физический феномен — превращает их в маяки для чего-то древнего. Чего-то, что ждало в пустоте миллиарды лет. Командир Ральф Сагимото оставил на Земле больную дочь Юлию. Он обещал вернуться. Но некоторые путешествия меняют путника настолько, что возвращение становится невозможным. Роман о первом контакте, который стоит всего. О любви, которая пытается преодолеть трансценденцию. И о вопросе, на который нет ответа: что остаётся от человека, когда исчезает всё человеческое? Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть I: Корреляция	5
Глава 1: Отлёт	6
Глава 2: Адаптация	15
Глава 3: Геометрия снов	25
Глава 4: Данные	34
Глава 5: Брифинг	43
Глава 6: Первое касание	52
Глава 6.5: Выздоровление	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эдуард Сероусов

Температура ускорения

Часть I: Корреляция

«Вакуум не пуст. Он полон того, что мы пока не умеем видеть»

Глава 1: Отлёт

Жёлтые стены. Ральф ненавидел эти жёлтые стены.

Кто-то в администрации госпиталя Сиэтла решил, что жёлтый – цвет надежды. Цвет солнца, тепла, выздоровления. Наверное, этот человек никогда не сидел в палате детской онкологии, глядя, как его двенадцатилетняя дочь спит под капельницей, а жёлтые стены отражают синеватый свет мониторов, превращаясь в цвет старого пергамента. В цвет кожи, из которой ушла жизнь.

Ральф сидел в кресле у окна, том самом кресле, которое за восемь месяцев болезни Юлии превратилось почти в его собственность. Медсёстры больше не спрашивали, нужно ли ему одеяло. Просто приносили – каждый вечер, ровно в девять.

За окном Сиэтл тонул в ноябрьском дожде. Капли ползли по стеклу извилистыми дорожками, и Ральф поймал себя на том, что следит за одной из них – крупной, медленной, поглощающей мелкие по пути. Физика поверхностного натяжения. Он мог бы рассчитать траекторию, если бы хотел. Знал коэффициенты, формулы, законы. Всё знал – кроме того, как заставить свою дочь выздороветь.

Юлия пошевелилась во сне. Её рука – тонкая, как ветка, с синяками от бесчисленных инъекций – дёрнулась на белой простыне.

– Папа?

Голос был хриплым от сна, но Ральф уже стоял у кровати. Двадцать два года в космических программах научили его реагировать на любой звук, любое изменение. Особенно здесь. Особенно с ней.

– Я тут, – он взял её руку, осторожно, как брал бы хрустальную модель звёздной системы. – Спи.

– Который час?

– Поздно.

– Это не ответ.

Он почти улыбнулся. Даже сейчас, после очередного курса химии, с потрескавшимися губами и кругами под глазами, его дочь оставалась упрямее любого из членов его будущего экипажа.

– Начало третьего.

– Ночи?

– Ночи.

Юлия помолчала, переваривая информацию. Мониторы за её головой мерно пищали, выводя ровные зелёные линии – пульс, давление, насыщение кислородом. Цифры, в которые Ральф научился вглядываться с религиозным рвением атеиста, ищущего знамения.

– Ты ведь улетаешь, – сказала она. Не вопрос. Утверждение.

– Через шестнадцать часов.

– Я знаю.

Конечно, знала. Юлия всегда знала. С того самого дня, когда он впервые рассказал ей о «Прометее», о Проксиме Центавра, о четырёх годах полёта, она не задала ни одного глупого вопроса. Не спросила «зачем», не попросила остаться. Просто слушала, кивала, потом спросила:

– А там будет интернет?

Он рассмеялся тогда. Первый раз за три недели после диагноза.

– Связь будет, – ответил он. – С задержкой в несколько лет.

– Значит, я смогу отправлять тебе письма?

– Сможешь.

– И ты будешь отвечать?

– Всегда.

Это было четыре месяца назад. Четыре месяца, два курса химиотерапии, одна операция и тридцать семь ночей в этом кресле. Теперь до запуска оставались часы, и Ральф всё ещё сидел здесь, потому что не мог заставить себя уйти. Потому что часть его – та часть, которую он научился прятать за должностными инструкциями и лётными протоколами – знала, что он больше никогда не увидит этих жёлтых стен.

– Расскажи мне снова, – попросила Юлия. – Про корабль.

Она просила об этом каждый вечер последние две недели. Ральф подозревал, что она давно выучила все характеристики наизусть, но ей нужен был его голос. Нужна была эта нить между ними – тонкая, как капельница, но крепкая.

– «Прометей», – начал он, и привычные слова полились сами, как старая колыбельная. – Двести метров в длину, тридцать в диаметре. Термоядерный двигатель на гелии-три. Пять членов экипажа, пятнадцать тонн научного оборудования, запас кислорода и воды на десять лет.

– А картинки?

– Пятьсот терабайт фотографий Земли. И твоё фото.

– Какое?

– То, где ты на море. В Калифорнии. Помнишь?

Юлия улыбнулась. Слабо, но улыбнулась – и у Ральфа что-то сжалось в груди.

– Мне было семь. Ты учил меня плавать.

– Ты боялась волн.

– Они были огромные!

– По колено.

– Для семилетней – огромные.

Он накрыл её руку своей. Кожа Юлии была сухой и горячей – побочный эффект лекарств, говорили врачи. Температура субфебрильная, ничего критичного. Ральф ненавидел это слово. «Субфебрильная». Как будто то, что убивает его дочь по частям, можно обозначить медицинским термином и от этого оно станет менее страшным.

– Когда вернёшься, – сказала Юлия, – мы поедem на море?

– Обязательно.

– Обещаешь?

Она смотрела на него снизу вверх, и в её глазах – тёмных, материнских, глазах женщины, которую он потерял пять лет назад – не было страха. Только вера. Детская, абсолютная, несокрушимая вера в то, что папа может всё. Что папа вернётся. Что всё будет хорошо.

Ральф знал, что врачи дают ей шесть месяцев. Он знал это с того дня, когда доктор Мориссон отвёл его в сторону и заговорил тем особым тоном, которым говорят о неизбежном. Синдром Альстрёма – редкая генетическая патология, прогрессирующая дегенерация, полиорганная недостаточность. Можно замедлить. Нельзя остановить.

Он также знал, что где-то в лабораториях Женевы и Сингапура работают над экспериментальной генной терапией. Что через два года, может три, появится шанс. Что к его возвращению – через четыре года субъективного времени, через сотню с лишним лет земного – либо будет лекарство, либо...

Он не позволял себе заканчивать эту мысль.

– Обещаю, – сказал он. – Мы поедem на море.

Космодром Маунт-Рейнир встретил его дождём. Другим дождём – злым, колючим, сорванным с Тихого океана и брошенным на пусковой комплекс как проклятие. Ральф стоял

у обзорного окна транспортного модуля и смотрел, как капли разбиваются о бетон стартовой площадки, образуя тысячи крошечных взрывов.

– Командир?

Он обернулся. Нина Воронцова стояла в дверях модуля, уже в лётном комбинезоне, с планшетом в руках. Сорок два года, короткие седые волосы, взгляд хирурга – точный, оценивающий, привыкший видеть людей как совокупность органов и систем. Ральф работал с ней три года и до сих пор не мог понять, есть ли за этим взглядом что-то кроме профессиональной отстранённости.

– Да, Нина.

– Финальная телеметрия в норме. Капсулы готовы. Остальные уже в шаттле.

– Сколько до старта?

– Четыре часа семнадцать минут.

Он кивнул. Четыре часа. Двести пятьдесят семь минут. Пятнадцать тысяч четыреста двадцать секунд. Последние секунды на планете, где жила его дочь.

– Как она? – спросила Нина.

Ральф не удивился вопросу. Нина была врачом; она знала о Юлии, знала о диагнозе, знала о прогнозах. Вероятно, знала и о том, почему он согласился на эту миссию.

– Стабильно.

– Это хорошо.

– Это ничего не значит.

Нина помолчала, потом сделала то, чего он от неё не ожидал – шагнула вперёд и положила руку ему на плечо. Коротко, почти формально, но этот жест значил больше любых слов.

– Медицина не стоит на месте, – сказала она. – За четыре года много чего может измениться.

– Знаю.

– Тогда идём. Остальные ждут.

Шаттл до орбитальной станции поднялся в серое небо, унося его прочь от жёлтых стен и капельниц, от тонких рук дочери и её вопроса, который до сих пор звенел в ушах: «Обещаешь?»

Обещаю.

«Прометей» висел над Землёй как стрела, нацеленная в бесконечность.

Ральф видел корабль сотни раз – на схемах, симуляциях, голографических моделях. Но сейчас, глядя на него через иллюминатор стыковочного модуля, он впервые почувствовал истинный масштаб того, что они собирались сделать.

Двести метров титанового сплава, керамической обшивки и человеческой дерзости. Цилиндрический корпус, сужающийся к носу, разделённый на пять сегментов. В корме – термоядерный двигатель, способный разогнать их до скорости, которую ещё десять лет назад считали невозможной. В центре – жилой отсек с пятью капсулами, спроектированными для одной цели: сохранить жизнь в условиях, несовместимых с жизнью.

Десять g. Постоянное ускорение в десять раз больше земного притяжения. Для обычного человека – смерть в течение минут. Для них – четыре года в жидкостных капсулах, где каждая клетка тела будет бороться за выживание.

– Красавец, – раздался голос за спиной.

Юра Костин, двадцать восемь лет, пилот. Самый молодой член экипажа, отобранный из двухсот кандидатов за феноменальную пространственную интуицию и способность принимать решения быстрее, чем сознание успевало их осмыслить. Сирота из Воронежа, выросший в

интернате, прошедший через армию и лётную школу. Его личное дело читалось как роман – если бы романы писали о людях, которые всю жизнь что-то доказывают миру.

– Думаешь, выдержит? – спросил Юра. В его голосе звучала не тревога – скорее детское любопытство. Как у мальчишки перед первым прыжком с тарзанки.

– Выдержит, – ответил Ральф. – Его строили люди, которые знают, что делают.

– Люди ошибаются.

– Да. Но не эти.

Юра хмыкнул, но не стал спорить. Вместо этого достал из кармана комбинезона маленький блокнот – потрёпанный, с загнутыми уголками страниц.

– Можно... можно я кое-что покажу? Перед тем как...

Он не договорил, но Ральф понял. Перед тем как они лягут в капсулы. Перед тем как станут чем-то средним между живыми и спящими. Перед тем как начнётся.

– Конечно.

Юра открыл блокнот и протянул ему. На странице был рисунок – тонкие карандашные линии, сплетающиеся в изображение звёздного неба. Но не такого, каким его видят с Земли. Это было небо, увиденное из космоса – глубокое, бархатное, с точками звёзд, которые казались живыми.

– Это... – Ральф подбирал слова. – Это хорошо.

– Я рисую, когда... ну, когда не могу заснуть. Помогает.

– Рисунки берёшь с собой?

– Да. Если можно.

– Можно.

Юра убрал блокнот, и на мгновение его лицо – мальчишеское, с веснушками и упрямым подбородком – показалось Ральфу невыносимо молодым. Двадцать восемь лет. Вся жизнь впереди. Или позади – смотря как считать.

– Командир, – Юра смотрел на корабль, – вы жалеете?

– О чём?

– Что согласились. Что... – он замялся. – Что улетаете от неё.

Ральф не стал спрашивать, откуда Юра знает о Юлии. На корабле не было секретов; личные дела членов экипажа изучались психологами, адаптировались, обсуждались. Все знали о дочери командира. Все знали, почему он летит.

– Нет, – сказал он. И удивился тому, что это была правда. – Не жалею.

– Почему?

Ральф долго смотрел на «Прометей», прежде чем ответить.

– Потому что оставаться и смотреть – хуже.

Жилой отсек корабля пах пластиком и озоном. Новый запах, запах вещей, которыми ещё не пользовались. Ральф вдохнул его глубоко, стараясь запомнить. Через несколько часов он будет дышать жидкостью, и запахи перестанут существовать.

Пять капсул располагались по периметру центрального модуля – белые коконы из композитных материалов, похожие на гигантские яйца. Каждая была рассчитана на одного человека и заполнялась специальной оксигенированной жидкостью, позволявшей дышать под давлением в десять атмосфер. Технология, которую разрабатывали тридцать лет. Технология, которую ни разу не испытывали на людях в реальных условиях.

Деви Пател уже была внутри своей капсулы – проверяла системы, касаясь сенсорных панелей с почти нежной осторожностью. Тридцать пять лет, инженер, автор трети патентов, лежавших в основе «Прометей». Невысокая, худая, с резкими чертами лица и взглядом, который будто постоянно что-то вычислял.

– Телеметрия стабильна, – сообщила она, не поворачиваясь. – Девяносто девять и восемь десятых процента номинала.

– Что с оставшимися двумя десятками? – спросила Нина, входя следом за Ральфом.

– Допустимая погрешность датчиков. Статистически незначимо.

– Деви, – Ральф остановился рядом с её капсулой, – ты проверяла их всю ночь?

Она наконец подняла глаза – тёмные, блестящие, без следа усталости.

– Разумеется.

– Когда спала в последний раз?

– Сон – неэффективная трата времени. Особенно сейчас, когда...

– Когда мы собираемся спать четыре года?

Деви пожалала плечами. Этот жест – равнодушный, почти презрительный – был для неё характерен. Ральф знал её достаточно долго, чтобы понимать: за презрением скрывалось что-то другое. Что-то, о чём она никогда не говорила.

– Это не сон, – сказала она. – Это... состояние. Физиология замедляется, сознание редуцируется до базовых функций. Мы не будем спать, командир. Мы будем существовать в промежуточном режиме.

– Звучит утешительно.

– Это не должно утешать. Это должно быть точным.

Ли Вэй появился бесшумно – как всегда. Пятьдесят два года, бывший монах из монастыря на Эмэйшань, ставший физиком и инженером связи. Парадокс, который не поддавался объяснению: человек, прошедший десять лет в медитациях и молчании, каким-то образом превратился в одного из ведущих специалистов по квантовой коммуникации.

Он остановился на пороге, обводя отсек спокойным взглядом.

– Красиво, – сказал он.

– Что? – Деви нахмурилась.

– Свет. Он падает под углом в семнадцать градусов. Создает интересные тени.

Деви открыла рот – вероятно, чтобы сказать что-то о неэффективности эстетических наблюдений – но Ли уже прошёл мимо неё к своей капсуле.

– Наблюдение, – добавил он, не оборачиваясь. – Мы все волнуемся. Каждый по-своему. Ты проверяешь системы. Командир стоит у двери и считает секунды. Юра рисует. Нина составляет списки. Я смотрю на свет.

– Я не составляю списки, – возразила Нина.

– Три списка за последний час. Я видел в твоём планшете.

Нина посмотрела на него с выражением, которое у другого человека было бы раздражением. У неё это выглядело как лёгкое изменение угла бровей.

– Наблюдательность – профессиональная деформация, – сказала она.

– Разумеется.

Юра вошёл последним, всё ещё сжимая свой блокнот. Он оглядел капсулы, потом посмотрел на Ральфа, потом снова на капсулы.

– Они как... как гробы, – сказал он тихо. – Красивые. Технологичные. Но гробы.

– Юра.

– Извините, командир. Я просто...

– Знаю.

Ральф подошёл к нему и положил руку на плечо. Тот же жест, который Нина использовала несколькими часами раньше. Простое человеческое касание – может быть, последнее в ближайших четыре года.

– Мы делаем это вместе, – сказал он. – Все пятеро. Что бы ни ждало нас там, мы не одни.

Юра кивнул. Не очень уверенно, но кивнул.

Процедура погружения занимала два часа.

Сначала – медицинский осмотр. Нина методично проверяла каждого, прикладывая датчики к вискам, запястьям, груди. Её движения были автоматическими, отточенными годами практики, но Ральф замечал, как иногда её пальцы задерживались на долю секунды дольше необходимого. Прощание через прикосновение. Последняя привилегия перед тем, как они перестанут быть телами и станут... чем?

Потом – подготовка капсул. Деви руководила процессом, выкрикивая параметры с точностью метронома.

– Температура жидкости: тридцать шесть и семь. Давление: нарастающее, выход на рабочий режим через сто сорок секунд. Оксигенация: норма.

Ральф стоял перед своей капсулой, глядя на прозрачную жидкость внутри. Перфторуглерод. Синтетическая кровь космоса. Жидкость, которая заменит воздух в его лёгких, позволяя телу выдержать невыносимое.

В кармане комбинезона лежала фотография Юлии – та самая, с калифорнийского пляжа. Семилетняя девочка с растрёпанными волосами и смеющимися глазами, стоящая по колено в прибое. Он не мог взять её с собой в капсулу – любые посторонние предметы были запрещены – но хотел посмотреть на неё ещё раз.

– Командир, – голос Деви прервал его мысли. – Ваша очередь.

Он кивнул, убирая фотографию. Позже. Он посмотрит позже. У него будет время. Четыре года – или сотня, смотря как считать – чтобы вспоминать этот момент.

Раздевание было клиническим, безличным. Пять взрослых людей, стоящих обнажёнными перед белыми коконами, – в этом не было ни стыда, ни эротики. Только голая функциональность. Тела как инструменты. Тела как помеха.

Деви была первой. Она скользнула в капсулу с почти нетерпеливой жадностью, и Ральф подумал, что она, возможно, единственная из них, кто действительно хочет этого. Кто видит в погружении не жертву, а освобождение.

Потом Ли. Он задержался на мгновение у края, закрыв глаза и прошептав что-то беззвучное – молитву? медитацию? просто слова? – и мягко опустился в жидкость.

Нина вошла деловито, проверяя по пути какие-то показатели на наручном мониторе. До последней секунды – врач.

Юра колебался дольше всех. Его руки дрожали, а лицо было бледным, почти серым. Ральф подошёл к нему.

– Эй.

– Командир, я...

– Знаю. Страшно.

– Не страшно. Я не... – он сглотнул. – Не боюсь. Просто...

– Просто что?

– Что если это ошибка? Что если мы все... что если мы просто исчезнем? И никто даже не узнает?

Ральф посмотрел ему в глаза. Двадцать восемь лет. Вся жизнь впереди.

– Юра, – сказал он, – я не могу обещать, что всё будет хорошо. Не могу обещать, что мы вернёмся. Единственное, что могу – я буду рядом. Что бы ни случилось.

Юра смотрел на него долгую секунду. Потом кивнул, развернулся и шагнул в капсулу.

Ральф остался один.

Он подошёл к своему кокону, положил ладонь на край. Материал был тёплым – температура тела, как и должно быть. Идеальная мимикрия. Идеальная ловушка.

«Мы поедем на море?»

«Обещаю».

Он перешагнул край.

Первое, что он почувствовал, – холод.

Не физический – жидкость была тёплой, обволакивающей, почти материнской. Но что-то внутри него сжалось, когда перфторуглерод коснулся груди. Древний инстинкт. Тело, которое миллионы лет эволюции учили дышать воздухом, протестовало против вторжения.

«Вдохни», – звучал в наушниках голос Деви. Запись, сделанная заранее. Инструкция для тех, кто забудет, как жить.

Ральф заставил себя открыть рот. Жидкость хлынула внутрь – густая, маслянистая, с привкусом, которому не было названия. Он закашлялся, и кашель превратился в судорогу, и судорога – в панику.

«Не борись. Позволь жидкости заполнить лёгкие. Твоё тело знает, что делать».

Его тело не знало. Его тело кричало, билось, требовало воздуха. Но воздуха не было. Был только перфторуглерод, проникающий всё глубже, заполняющий альвеолы, растворяющий кислород прямо в крови.

И потом – внезапно, как переключение выключателя – паника прошла.

Он дышал. Дышал жидкостью. Его лёгкие расправлялись и сжимались, как всегда, но вместо воздуха в них была... это.

«Погружение завершено», – сообщил автоматический голос. – «Герметизация через тридцать секунд».

Ральф смотрел через прозрачную стенку капсулы на жилой отсек. Четыре других кокона светились мягким голубым светом – индикатор нормального функционирования. Его экипаж. Его люди. Его ответственность.

Крышка капсулы закрылась с мягким щелчком.

Темнота.

Не абсолютная – где-то на периферии мерцали индикаторы, красные и зелёные точки в черноте. Но достаточно глубокая, чтобы почувствовать себя похороненным. Юра был прав. Это были гробы. Красивые, технологичные гробы, из которых они надеялись воскреснуть через четыре года.

«Обратный отсчёт до начала ускорения: десять минут».

Десять минут. Шестьсот секунд. Последние шестьсот секунд, когда его тело ещё принадлежало ему.

Ральф закрыл глаза и подумал о Юлии. О жёлтых стенах госпиталя. О каплях дождя на стекле. О вопросе, который она задала, и об ответе, который он дал.

«Мы поедem на море?»

«Обещаю».

Он не знал, сможет ли выполнить это обещание. Не знал, выживет ли она. Не знал, выживет ли он сам. Единственное, что он знал – здесь, в этой капсуле, в миллионах километров от её больничной койки, он всё ещё её отец. Всё ещё человек, который однажды учил её плавать в калифорнийском прибое.

Этого было достаточно.

Этого должно было быть достаточно.

«Обратный отсчёт: одна минута».

Шестьдесят секунд.

«Тридцать секунд».

Где-то далеко, на планете, которую он покидал навсегда, его дочь смотрела в окно на серое небо. Он не знал этого, не мог знать, но почему-то чувствовал её присутствие – как ниточку, протянутую через пустоту.

«Десять секунд».

Ральф стиснул зубы.

«Пять. Четыре. Три. Два. Один».

«Инициация ускорения».

Сначала – ничего. Секунда тишины, почти разочаровывающей.

А потом мир раскололся.

Десять g – это не давление. Это сущность.

Ральф чувствовал, как каждая клетка его тела тянется вниз, к невидимому дну капсулы. Кровь становилась тяжёлой, густой, неохотно двигаясь по сосудам. Сердце билось, но каждый удар был как попытка поднять камень.

Жидкость вокруг него уплотнилась, обнимая со всех сторон. Капсула была спроектирована так, чтобы распределять давление равномерно, чтобы тело не было раздавлено собственным весом. Но ощущение оставалось – ощущение погребения, замуровывания, растворения в чём-то большем.

«Системы в норме», – голос Деви в коммуникаторе звучал искажённо, будто проходил через толщу воды. – «Все показатели... в пределах допустимого».

«Деви», – это была Нина, – «как твой пульс?»

«Сто... сто двадцать. Компенсирую».

«Юра?»

Молчание.

«Юра, ответ».

«Здесь». Голос пилота был слабым, почти неслышным. «Я здесь. Просто... привыкаю».

«Ли?»

«Наблюдаю».

«Что наблюдаешь?»

«Себя. Интересные ощущения».

Ральф хотел улыбнуться, но мышцы лица не слушались. Десять g делали даже улыбку актом воли.

– Говорит командир, – произнёс он, и собственный голос показался чужим. – Доклад принят. Входим в штатный режим. Связь каждые шесть часов. Без происшествий – не вызывать.

«Принято», – хором отозвались четыре голоса.

Ральф закрыл глаза.

За бортом «Прометей» набирал скорость, пожирая пространство с голодом, которого человечество ещё не знало. Десять метров в секунду за секунду. Шестисот метров в минуту за минуту. Через час они будут двигаться со скоростью тридцати шести километров в секунду. Через день – почти девятьсот. Через месяц – в двадцать раз быстрее, чем любой космический аппарат в истории.

И каждую секунду этого пути он будет помнить её лицо.

Жёлтые стены.

Тонкие руки.

Вопрос.

«Мы поедим на море?»

Обещаю, Юлия. Обещаю.

Что-то в груди Ральфа – там, где должно было быть сердце, где теперь была только тяжёлая, едва бьющаяся мышца – сжалось в последний раз.

И отпустило.

Ускорение продолжалось.
Впереди лежала бездна.

Глава 2: Адаптация

Тело лгало.

Нина Воронцова знала это лучше, чем кто-либо на борту «Прометея». Двадцать лет медицинской практики научили её главному: человеческое тело – ненадёжный свидетель. Оно скрывает опухоли за нормальными анализами. Маскирует инфаркты под изжогу. Убеждает мозг, что всё в порядке, пока не становится слишком поздно.

Сейчас, на тридцать первый день полёта, пять тел в жидкостных капсулах рассказывали ей историю, которой она не хотела верить.

Показатели на мониторе мерцали ровным зелёным светом. Пульс – в пределах нормы. Давление – компенсировано. Оксигенация – девяносто восемь процентов. Всё правильно. Всё так, как должно быть.

И всё же.

Нина коснулась сенсорной панели, вызывая детальную развёртку данных по капсуле номер три – своей собственной. Цифры выстроились колонками: биохимия крови, гормональный профиль, нейроактивность. Она просматривала их каждые шесть часов, отмечая мельчайшие колебания, сравнивая с базовыми показателями, записанными до старта.

Кортизол – повышен на семнадцать процентов. Ожидаемо. Стресс ускорения, адаптационный синдром.

Мелатонин – снижен. Без естественной смены дня и ночи циркадные ритмы сбивались, несмотря на искусственное освещение.

Но вот это...

Она увеличила график. Кальций. Уровень кальция в крови медленно, почти незаметно рос. На границе нормы, но выше, чем должен был быть. Выше, чем месяц назад.

Откуда он брался?

Ответ она знала. Не хотела произносить вслух, даже мысленно, но знала.

Кости.

Их кости отдавали кальций в кровь. Медленно, по миллиграмму в день, скелеты пяти астронавтов перестраивались под давлением, которое человеческое тело никогда не должно было испытывать.

– Нина.

Голос Ральфа в коммуникаторе звучал хрипло – побочный эффект дыхания жидкостью. Голосовые связки работали иначе, когда вокруг них был перфторуглерод вместо воздуха.

– Слушаю, командир.

– Утренний отчёт готов?

– Заканчиваю.

– Что-то необычное?

Она помедлила. Семнадцать процентов повышения кортизола. Сниженный мелатонин. Кальций на верхней границе нормы. Всё это было необычным – и всё это было ожидаемым. Они знали, что полёт изменит их тела. В этом и состоял эксперимент.

– Ничего критичного, – ответила она. – Адаптация идёт по плану.

– Хорошо. Передай данные, когда закончишь.

– Да.

Связь отключилась, и Нина осталась наедине с цифрами.

По плану. Какой иронией звучали эти слова здесь, в двухстах миллионах километров от Земли, в жидкостном коконе, который не давал её телу разрушиться под собственным весом. План предполагал, что они выживут. План предполагал, что через четыре года они достиг-

нут Проксимы Центавра, соберут данные и вернуться домой. План не учитывал того, что Нина видела в цифрах, – медленного, неотвратимого превращения в нечто иное.

Она закрыла глаза и позволила себе минуту слабости.

Андрей умер в марте.

Не в больнице, не в хосписе – дома, в их квартире на Васильевском острове, в кресле у окна, где он любил читать по вечерам. Нина нашла его, когда вернулась с ночной смены: книга на полу, очки съехали на кончик носа, выражение лица – почти умиротворённое.

Инсульт. Массивное кровоизлияние в мозг. Врачи потом сказали, что он, вероятно, не успел ничего почувствовать. Это должно было утешать.

Не утешало.

Семнадцать лет брака. Семнадцать лет совместных завтраков, споров о политике, молчаливых вечеров, когда слова были не нужны. Семнадцать лет, стёртых одним разрывом сосуда – крошечным дефектом в стенке артерии, которой она, врач с двадцатилетним стажем, не заметила. Не проверила. Не предотвратила.

Похороны она помнила смутно. Лица, соболезнования, запах лилий – всё слилось в серое пятно, из которого выступали отдельные детали: холодная рука матери Андрея, скрип лопаты о мёрзлую землю, собственное отражение в зеркале траурного зала – женщина с пустыми глазами, которую она не узнавала.

Потом были месяцы. Работа – единственное, что имело смысл. Пациенты, диагнозы, процедуры. Механика выживания, не требующая чувств. Она приходила в клинику раньше всех и уходила последней, заполняя время задачами, которые не оставляли места для мыслей.

Коллеги сначала сочувствовали, потом беспокоились, потом просто смотрели с тем особым выражением, которое она научилась ненавидеть, – взгляд людей, наблюдающих медленную катастрофу.

– Нина Александровна, – сказал как-то заведующий отделением, немолодой уставший человек, которого она уважала за честность, – вам нужен отпуск.

– Мне нужна работа.

– Вы работаете по четырнадцать часов в день. Это не работа, это...

– Что?

Он не ответил. Что тут скажешь? Бегство? Самоуничтожение в замедленной съёмке? Попытка заглушить пустоту, которая разрасталась внутри с каждым днём?

Объявление о наборе в экипаж «Прометей» она увидела случайно – в медицинском журнале, между статьёй о новых методах диагностики и рекламой фармацевтической компании. Межзвёздная экспедиция. Четыре года полёта. Требуется врач с опытом работы в экстремальных условиях.

Нина прочитала объявление трижды.

Четыре года. Четыре года вдали от этой квартиры, от этого города, от этого кресла у окна. Четыре года, в течение которых можно не думать о том, что случилось, – потому что будет о чём думать другом.

Она отправила заявку в тот же вечер.

– Воронцова, ты там заснула?

Голос Деви вырвал её из воспоминаний. Резкий, нетерпеливый – как всегда.

– Нет, – Нина открыла глаза. – Анализировала данные.

– Какие данные анализируются с закрытыми глазами?

– Мои собственные.

Девы хмыкнула. Их капсулы располагались рядом, и через изогнутые стенки Нина могла видеть силуэт инженера – размытый, искажённый преломлением жидкости, но узнаваемый.

– Кальций, – сказала Дева. Не вопрос.

– Ты тоже заметила.

– Сложно не заметить. Мои показатели выше твоих на три процента. Предполагаю, связано с меньшей мышечной массой.

Нина кивнула, хотя Дева не могла видеть этого жеста.

– Резорбция костной ткани. Ожидаемый эффект длительного ускорения.

– Ожидаемый, – повторила Дева с интонацией, которую Нина не сразу расшифровала. Что-то среднее между иронией и... предвкушением? – Модели предсказывали начало процесса на шестой неделе. Мы опережаем график.

– Это плохо.

– Почему? – В голосе Девы звучало искреннее любопытство. – Ускоренная адаптация означает, что наши тела эффективнее, чем предполагалось. Они находят способы выжить.

– Они разрушают себя, чтобы выжить.

– Перестраивают. Это разные вещи, Воронцова.

Нина не стала спорить. Она знала, как Дева относится к человеческому телу, – как к устаревшему механизму, который давно пора заменить чем-то более совершенным. Для неё резорбция костей была не симптомом, а шагом эволюции.

– Я отправлю отчёт на Землю, – сказала Нина. – Им нужно знать.

– Зачем? Они всё равно ничего не смогут сделать.

– Данные важны. Для следующих экспедиций.

– Если будут следующие.

Нина промолчала. Дева говорила очевидное: они были первыми. Подопытными. Их тела – не просто транспорт для сознания, а материал эксперимента, результаты которого станут известны только после того, как закончатся они сами.

– Пател, – она использовала фамилию намеренно, возвращая разговор в профессиональное русло, – твой сердечный ритм нерегулярен. Экстрасистолы каждые сорок минут.

– Я знаю.

– Ты должна была сообщить.

– Незначительное отклонение. Сердце адаптируется к повышенной нагрузке.

– Сердце не должно адаптироваться. Оно должно работать стабильно.

– Стабильность – иллюзия, – Дева говорила спокойно, почти лениво. – Всё меняется.

Вопрос только в скорости изменений.

Нина сделала пометку в журнале: «Пател, Д. – кардиомониторинг, повышенное внимание. Возможна аритмия».

Дева была права в одном: здесь, в капсулах, они могли только наблюдать. Лечить было нечем и некого – жидкость вокруг них сама была единственным лекарством, не дававшим телам разрушиться под десятикратным весом.

Время в капсуле измерялось циклами.

Цикл сна – шесть часов неглубокого забытья, из которого выныривали на поверхность сознания, как утопленники. Цикл бодрствования – двенадцать часов мониторинга, коммуникации, попыток сохранить рассудок в пространстве размером с гроб. Цикл питания – инфузии питательных растворов прямо в кровоток, потому что глотать при десяти g было почти невозможно.

Нина выстроила собственную рутину внутри этих циклов.

Утро начиналось с проверки показателей – своих и чужих. Она просматривала данные всех пяти капсул, отмечая изменения, сравнивая графики. Это занимало около двух часов и давало иллюзию контроля.

Потом – связь с экипажем. Короткие переговоры, не больше нескольких минут на каждого. Ральф спрашивал о системах жизнеобеспечения. Деви рапортовала о состоянии двигателя. Юра... Юра молчал больше, чем говорил, и Нина научилась слышать в его паузах то, чего он не произносил.

После обеда – если этот термин имел смысл в мире без обедов – она работала над отчётами для Земли. Подробные, педантичные документы, которые уйдут сигналом в темноту и достигнут адресата через месяцы. К тому времени, когда на Земле их прочтут, данные устареют. Но Нина продолжала писать – потому что это было единственное, что она умела.

Вечер – термин ещё более условный – она посвящала чтению. Перед отлётом загрузила в личную память корабля всё, что могло пригодиться: медицинские справочники, научные статьи, художественную литературу. Последнее – для тех моментов, когда цифры начинали расплываться перед глазами, а мысли – разбегаться.

Сегодня она читала о вакууме.

Точнее, о том, что физики называли «квантовым вакуумом» – пустоте, которая не была пустотой. Даже в абсолютном ничто, лишённом материи и энергии, происходило что-то. Виртуальные частицы возникали из ниоткуда и исчезали в никуда, существуя лишь мгновения – слишком короткие, чтобы их можно было зафиксировать, но достаточно реальные, чтобы влиять на измеримые величины.

«Эффект Унру», – гласил заголовок статьи. – «Тепловое излучение ускоряющегося наблюдателя».

Нина читала медленно, продираясь сквозь формулы и терминологию, которая была ей чужда. Физика никогда не входила в число её сильных сторон – в медицинском институте она предпочитала биохимию, анатомию, всё, что можно было потрогать и измерить. Но сейчас, в этой капсуле, физика перестала быть абстракцией.

Эффект Унру предсказывал простую и странную вещь: ускоряющийся наблюдатель должен воспринимать вакуум как тепловое излучение. Чем выше ускорение – тем выше температура этого излучения. При ускорении в одно g – смехотворные десять в минус двадцатой степени кельвина, слишком мало для любых измерений. Но при десяти g ?

Нина потянулась к калькулятору, встроенному в интерфейс капсулы.

Всё ещё ничтожно мало. Десять в минус девятнадцатой. Невозможно измерить, невозможно почувствовать.

И всё же.

Статья упоминала гипотезы – недоказанные, спорные, на границе науки и спекуляции – о том, что человеческий мозг может быть чувствителен к квантовым эффектам. Что нейроны, работающие на границе хаоса и порядка, могут улавливать сигналы, недоступные приборам. Что сознание – эта вечная загадка, не поддающаяся редукции к биохимии – может резонировать с фундаментальными колебаниями реальности.

Нина закрыла статью. Слишком много «может быть». Слишком мало доказательств.

Но фраза осталась в памяти, как осколок стекла в ране: «Ускоряющийся наблюдатель видит то, чего не видит неподвижный».

Что они видели здесь, на «Прометее»? Что видели их мозги, погружённые в жидкость, сжатые десятикратным давлением, лишённые нормальных сенсорных стимулов?

Ответа не было.

Пока не было.

На тридцать четвёртый день Юра перестал отвечать на вызовы.

Нина заметила это не сразу – утренняя проверка связи прошла штатно, и его молчание она списала на сон. Но когда он не откликнулся на второй вызов, а потом на третий, она почувствовала холодок в груди – тот самый, профессиональный, который предшествовал плохим новостям.

– Командир, – она связалась с Ральфом. – Костин не отвечает.

– Давно?

– Три часа.

Пауза. Ральф обрабатывал информацию, взвешивал варианты. Нина почти видела, как работает его мозг – даже сквозь стенки капсул, даже сквозь сотни метров корабля между ними.

– Телеметрия?

Нина уже смотрела на монитор.

– В норме. Пульс – семьдесят два. Дыхание – восемнадцать в минуту. Мозговая активность... – она запнулась.

– Что?

– Повышенная активность в префронтальной коре. Паттерн, характерный для глубокой концентрации или... – она не договорила.

– Или чего, Нина?

– Или сновидений при ясном сознании.

Снова пауза.

– Попробуй ещё раз.

Нина активировала прямой канал с капсулой номер четыре.

– Юра. Юра, ответь.

Тишина.

– Юра, это Воронцова. Мне нужно знать, что ты в порядке.

Шорох. Потом – голос, странный, как будто говорящий сквозь сон:

– Здесь... я здесь.

– Что случилось? Почему не отвечал?

– Я... думал.

– О чём?

Долгая пауза. Когда Юра заговорил снова, его голос звучал иначе – настороженно, почти испуганно.

– Вы когда-нибудь... вы видите что-нибудь? Когда закрываете глаза?

Нина нахмурилась.

– Что именно?

– Не знаю. Узоры. Или... не узоры. Что-то. На границе. Как будто смотришь сквозь стену и почти видишь, что за ней.

– Юра, это называется фосфены. Зрительные феномены, вызванные давлением на сетчатку. Нормальная реакция на...

– Нет, – он перебил, и в его голосе появилась резкость. – Не фосфены. Я знаю, что такое фосфены. Это... другое.

– Опиши.

Молчание. Нина слышала его дыхание – учащённое, неровное.

– Не могу, – сказал он наконец. – Нет слов. Но оно... оно смотрит в ответ.

Нина почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не профессиональный на этот раз – что-то более древнее, инстинктивное.

– Юра, это могут быть галлюцинации. Сенсорная депривация, стресс ускорения... Я напишу тебе седативное.

– Не нужно.

– Это не обсуждается.

– Я сказал, не нужно! – Его голос сорвался. – Я не сумасшедший, Воронцова. Я просто... просто вижу.

– Что ты видишь?

Тишина.

Потом – шёпот, едва различимый:

– Ещё не знаю.

Связь прервалась.

Нина смотрела на экран с данными телеметрии. Пульс Юры подскочил до девяноста, потом медленно начал снижаться. Мозговая активность по-прежнему была аномальной – всплески в областях, отвечающих за визуальную обработку и пространственное восприятие.

Она должна была доложить Ральфу. Должна была внести запись в журнал, отправить отчёт на Землю. Галлюцинации члена экипажа – серьёзный симптом, требующий мониторинга и, возможно, медицинского вмешательства.

Но что-то в словах Юры заставило её медлить.

«Оно смотрит в ответ».

Глупость. Паранойя, вызванная изоляцией и стрессом. Человеческий мозг, лишённый нормальных стимулов, начинал производить собственные – галлюцинации, видения, ложные паттерны в хаосе.

И всё же.

Нина закрыла глаза.

Темнота за веками была обычной – чёрной, пустой, с лёгкими мерцаниями фосфенов по краям. Ничего больше. Никакого «чего-то на границе».

Она открыла глаза и потянулась к клавиатуре.

«День 34. Костин, Ю. – жалобы на зрительные феномены. Характер описания указывает на возможное начало сенсорной депривационной психопатологии. Рекомендовано: усиленный мониторинг, при необходимости – седативная терапия».

Пальцы замерли над кнопкой «отправить».

Что, если она ошибалась?

Что, если Юра видел то, чего не видела она, – не потому что он был болен, а потому что был более чувствителен? Более открыт?

Нина тряхнула головой. Глупости. Она врач. Её работа – диагностировать и лечить, а не верить в видения двадцативосьмилетнего пилота с нестабильной психикой.

Она нажала «отправить».

Ночью – условной ночью, отмеченной только снижением освещения в капсуле – Нина думала о Андрее.

Не о его смерти – об этом она запретила себе думать давно. О жизни. О том, каким он был в последние месяцы, когда она была слишком занята, слишком погружена в работу, чтобы замечать.

Были ли признаки? Головные боли, которые он списывал на усталость. Онемение в пальцах, о котором упоминал мимоходом. Моменты, когда он замирал посреди разговора, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Она была врачом. Должна была заметить.

Не заметила.

Или – заметила, но не хотела видеть? Это было бы хуже. Это означало бы, что она позволила ему умереть, потому что правда была слишком неудобной.

В капсуле не было места для слёз. Жидкость вокруг не давала им течь – они просто растворялись, смешиваясь с перфторуглеродом, становясь частью среды, которая держала её тело на плаву.

Но боль никуда не девалась.

«Мне нужна работа», – сказала она тогда заведующему. И это было правдой – работа заглушала боль, заполняла пустоту. Но пустота никуда не исчезала. Она просто ждала, когда работа закончится.

Здесь, в капсуле, работа не заканчивалась никогда. Мониторинг, анализ, отчёты – бесконечный цикл задач, которые можно было выполнять бесконечно. И всё же пустота нашла лазейку. Пробралась сквозь цифры и графики, устроилась в груди, как старый знакомый.

«Зачем ты здесь?» – спросила она себя.

Чтобы убежать. Очевидный ответ, который ничего не объяснял.

Чтобы искупить. Ближе, но не точно.

Чтобы понять.

Это было правдой – или ближе всего к ней. Нина летела не от чего-то, а к чему-то. К ответу на вопрос, который она не могла сформулировать, но который мучил её с того мартовского утра.

Что остаётся, когда всё заканчивается?

Андрей был. Потом – не стал. Между этими двумя состояниями лежала пропасть, которую она не могла преодолеть ни логикой, ни верой, ни отчаянием.

Тело знает, как умирать – она видела это сотни раз. Клетки отключаются одна за другой, системы отказывают в предсказуемом порядке, биохимия медленно замедляется до полной остановки. Но что происходит с тем, что было внутри? С мыслями, воспоминаниями, любовью?

Религия говорила: душа уходит. Наука говорила: сознание прекращается. Ни один ответ её не устраивал.

И вот она здесь – в двухстах миллионах километров от места, где Андрей перестал существовать, в металлическом гробу, несущемся сквозь пустоту со скоростью, невысказанной для предыдущих поколений. Ищет ответ в данных о резорбции костей и галлюцинациях молодого пилота.

Ирония. Андрей оценил бы.

На тридцать седьмой день Нина получила результаты рентгенографии.

Автоматизированная система корабля делала снимки раз в неделю – стандартная процедура мониторинга состояния скелета. Обычно она просматривала их быстро, отмечая ожидаемые изменения: небольшую деминерализацию в трубчатых костях, компенсаторное уплотнение в позвоночнике. Всё в пределах моделей.

Но сегодня модели не работали.

Она смотрела на снимок грудной клетки Деви – и не верила своим глазам.

Рёбра. Рёбра были... неправильными.

Не сломанными – деформированными. Угол прикрепления к позвоночнику изменился. На градус, может два, – ничтожная разница, которую обычный человек не заметил бы. Но Нина была врачом с двадцатилетним стажем, и она видела то, что видела.

Скелет Деви перестраивался.

Не разрушался. Не деградировал. Перестраивался – под давление, под новые условия, под реальность, в которой вес тела был в десять раз больше нормы.

Нина лихорадочно вызвала свои собственные снимки. Сравнила с базовыми, сделанными до старта.

То же самое. Микроскопическое изменение угла рёбер. Едва заметное утолщение в местах максимальной нагрузки.

Она проверила Ральфа. Юру. Ли.

У всех пятерых.

– Деви, – она активировала связь, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Тебе нужно это видеть.

– Что?

– Рентген. Твои рёбра.

Пауза. Потом – звук, который Нина не сразу идентифицировала. Смех?

– Наконец-то, – сказала Деви. – Я ждала этого.

– Ждала?

– Воронцова, ты правда думала, что мы просто выживем четыре года при десяти g? Без изменений? – В её голосе звучало что-то похожее на восторг. – Наши тела адаптируются. Эволюционируют. Становятся чем-то новым.

– Это не эволюция. Эволюция занимает тысячи лет.

– Эволюция – это отбор. Адаптация – это механизм. Наши тела нашли механизм.

Нина смотрела на снимки. Пять скелетов, медленно меняющих форму. Пять тел, превращающихся во что-то, чему ещё не было названия.

– Это опасно, – сказала она.

– Это неизбежно.

– Мы должны сообщить на Землю.

– Зачем? – Деви говорила спокойно, почти лениво. – Чтобы они волновались? Отменили миссию? Приказали нам развернуться?

– Развернуться невозможно.

– Вот именно.

Нина замолчала. Деви была права – они прошли точку невозврата в момент старта. Их тела менялись, и ничто не могло этого остановить.

Но она должна была знать. Должна была понимать, что с ними происходит.

– Деви, – она говорила медленно, подбирая слова. – Если изменения продолжатся... если кости продолжат перестраиваться... что будет, когда мы затормозим?

Долгая пауза.

– Хороший вопрос, – ответила Деви наконец. – Предполагаю, наши тела адаптируются снова. Или не адаптируются.

– И ты не боишься?

– Воронцова, – в голосе Деви появилась сталь, – я всю жизнь боялась этого тела. Боялась его слабости, его уязвимости, его предательства. Впервые я вижу, что оно способно на большее. Почему я должна бояться?

Нина не нашла ответа.

Она отключила связь и долго смотрела на снимки.

Пять скелетов. Пять историй. Пять судеб, сплетённых в одну – в этой жидкости, в этом давлении, в этой бездне.

Что они становились?

Ответ был где-то впереди. За миллиардами километров пустоты. За годами ускорения.

Она не была уверена, что хочет его знать.

В конце дня – условного дня, отмеченного только сменой показаний хронометра – Нина составила отчёт.

Сухой, профессиональный, лишённый эмоций. Данные о резорбции кальция. Снимки изменённых костей. Графики мозговой активности Юры. Всё, что она знала, всё, что могла измерить.

Но в самом конце, после официальных выводов и рекомендаций, она добавила несколько строк – личных, не предназначенных для протокола.

«День 37. Наши тела меняются. Это было ожидаемо – но не так. Не с такой скоростью, не с такой... целенаправленностью. Как будто что-то внутри нас знает, куда идти. Как будто адаптация – не случайный процесс, а ответ на вопрос, который мы ещё не задали.

Юра говорит, что видит что-то. Деви говорит, что рада переменам. Ли молчит, но его молчание кажется мне... осмысленным. Как будто он прислушивается.

К чему?

Не знаю.

Но я врач. Моя работа – наблюдать. Записывать. Пытаться понять.

Даже если понимание невозможно.

Даже если ответ окажется таким, которого я не хочу знать».

Она сохранила файл и закрыла глаза.

За бортом «Прометея» пустота простиралась во все стороны – холодная, безразличная, бесконечная. Где-то там, в двухстах миллионах километров позади, была Земля с её жёлтыми стенами и мартовскими утрами. Впереди – четыре года ускорения и звезда, которую они, возможно, никогда не увидят.

Между этими двумя точками были только они – пять человек в жидкостных гробах, чьи тела медленно превращались во что-то иное.

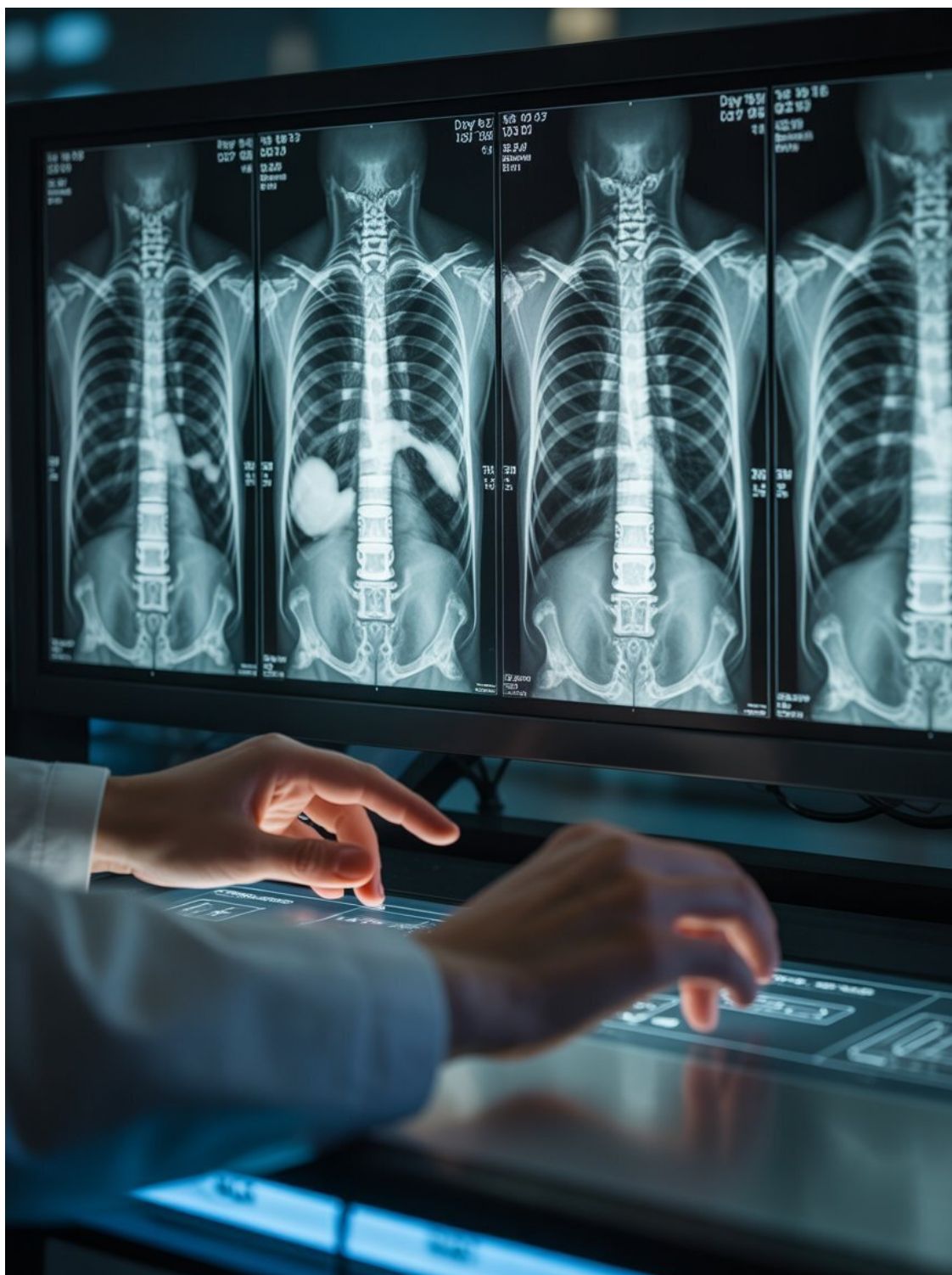
Адаптация.

Нина повторила слово про себя, пробуя его на вкус.

Адаптация – или трансформация?

Ответ, как всегда, был где-то впереди.

Она могла только ждать.

Глава 3: Геометрия снов

Сны приходили геометрией.

Не образами – Юра давно перестал видеть обычные сны, с лицами и местами, с сюжетами, которые забываешь через минуту после пробуждения. Вместо них была геометрия. Линии, сходящиеся в точках, которых не существовало в трёхмерном пространстве. Углы, которые нельзя было начертить. Формы, от которых болели глаза даже во сне.

Он просыпался с привкусом металла во рту и ощущением, что только что видел что-то важное. Что-то, что нужно было запомнить.

Но запомнить не получалось. Геометрия ускользала, как вода сквозь пальцы, оставляя только эхо – смутное беспокойство, фантомный зуд в той части мозга, которая отвечала за пространственное восприятие.

На сорок третий день полёта Юра решил рисовать.

Это было не просто. В капсуле не было ни бумаги, ни карандашей – только сенсорный экран интерфейса, не предназначенный для творчества. Но Юра был упрямым. Он нашёл графическое приложение в библиотеке корабля – какую-то утилиту для технических чертежей – и приспособил её под свои нужды.

Первый рисунок вышел неуклюжим. Пальцы, привыкшие к карандашу, с трудом управлялись с виртуальными кистями. Линии дрожали, углы съезжали, пропорции нарушались.

Но форма... форма была правильной.

Юра смотрел на экран и чувствовал, как что-то внутри него расслабляется. Да. Вот это. Вот что он видел во сне.

Круг. Нет, не круг – спираль, закрученная внутрь себя. И внутри спирали – другие спирали, меньшие, повторяющие паттерн на разных масштабах. Фрактал? Возможно. Но не совсем. Что-то было неправильным в симметрии, что-то сознательно сдвинутое, нарушенное.

Он рисовал три часа, забыв про утренний сеанс связи, про проверку систем, про всё на свете. Когда закончил, на экране была мандала – если это слово вообще подходило. Мандала с дефектом. С трещиной в совершенстве.

Красиво.

И страшно.

Юра сохранил файл в личную папку и стёр историю действий. Он не знал, зачем прятался – Воронцова и так читала его мозговую активность, Деви могла взломать любую защиту, если бы захотела. Но ему нужна была иллюзия приватности. Нужно было что-то, принадлежащее только ему.

Ночью геометрия вернулась.

В интернате рисование было побегом.

Юра попал туда в шесть лет – после аварии, в которой погибли оба родителя. Он не помнил их лиц. Не помнил голосов. Только запах – материнских духов? отцовского одеколона? – который иногда возвращался без предупреждения, срывая крышку с того места в памяти, куда он старался не заглядывать.

Интернат был серым. Серые стены, серая форма, серые лица воспитателей, уставших от бесконечного потока детей, которых никто не хотел. Юра научился быть незаметным – это было проще, чем научиться быть нужным. Скользил по коридорам как тень, говорил только когда спрашивали, не поднимал руку на уроках.

Но руки его выдавали.

Он рисовал на всём: на полях тетрадей, на обложках учебников, на салфетках в столовой. Рисовал то, что видел – и то, чего не видел никто, кроме него. Деревья с человеческими лицами в коре. Небо, расколотое на осколки. Птицы, у которых вместо крыльев были руки.

– У тебя талант, – сказала однажды учительница рисования, пожилая женщина с добрыми усталыми глазами. – Ты видишь мир... иначе.

Юра не знал, комплимент это или диагноз.

В тринадцать он нарисовал картину, которая изменила всё.

Это было ночью, после отбоя. Он не мог уснуть – в комнате было душно, сосед храпел, и что-то зудело в голове, как недочёсанный укус. Юра вытащил из-под подушки блокнот и карандаш – контрабанду, которую он прятал месяцами – и начал рисовать.

Он не думал о том, что рисует. Просто позволил руке двигаться.

Когда закончил, было почти утро. Свет пробивался сквозь щели в жалюзи, и в этом сером рассвете Юра увидел то, что создал.

Лица. Сотни лиц, вплетённых друг в друга, как нити в ткани. Некоторые были человеческими, другие – нет. Некоторые улыбались, другие кричали. И все они смотрели на него – сквозь бумагу, сквозь карандашные линии, сквозь тонкую мембрану, отделявшую реальность от того, что было за ней.

Юра смотрел на рисунок и чувствовал, как по спине бегут мурашки.

Он не рисовал эти лица. Не придумывал их. Они были там, внутри, ещё до того, как карандаш коснулся бумаги. Он просто... выпустил их.

Утром он сжёг рисунок в туалете, глядя, как бумага чернеет и скручивается. Пепел смыл в унитаз.

Больше он не рисовал по ночам. До сегодняшнего дня.

– Костин, ты пропустил утреннюю проверку.

Голос Воронцовой был ровным, но Юра слышал за ним раздражение. Или беспокойство? С ней никогда нельзя было сказать наверняка.

– Я... извините. Задумался.

– О чём?

Он посмотрел на экран, где всё ещё светилась его мандала. Быстрым движением свернул окно.

– Ни о чём. Просто... не спал хорошо.

– Твоя мозговая активность была аномальной последние четыре часа.

Конечно, она видела. Она всегда всё видела.

– Я рисовал, – сказал Юра, и удивился тому, как легко это прозвучало. – В голове.

Пытался вспомнить сон.

– Что тебе снилось?

Линии. Углы. Формы, от которых болят глаза.

– Не помню, – соврал он. – Что-то странное.

Пауза. Воронцова обрабатывала информацию, сверяла с данными телеметрии, решала, верить ему или нет.

– Юра, – её голос стал мягче. – Если ты видишь что-то... необычное, мне нужно знать.

– Зачем?

– Потому что это моя работа. И потому что ты не единственный.

Он замер.

– Что вы имеете в виду?

– Деви жаловалась на странные паттерны в периферийном зрении. Ли... Ли ничего не говорит, но его показатели тоже нетипичны. Что-то происходит с нами, Юра. Со всеми.

– И что это?

– Не знаю. Пока не знаю. Но мне нужны данные. Твои данные тоже.

Юра молчал. Данные. Она хотела данные. Хотела разложить его сны на графики и таблицы, превратить геометрию в числа.

– Я подумаю, – сказал он наконец.

– Юра...

– Я подумаю, – повторил он твёрже. – Дайте мне время.

Связь прервалась.

Юра открыл свой рисунок и долго смотрел на него. Спирали внутри спиралей. Нарушенная симметрия. Что-то, чего он никогда не видел наяву, но узнал сразу, как только увидел во сне.

Откуда это приходило?

Он не знал. Но знал, что хочет узнать.

В лётной школе Юра был посредственным студентом.

Не потому, что ему не хватало способностей – экзамены он сдавал на отлично, симуляторы проходил лучше большинства однокурсников. Но преподаватели смотрели на него с тем особым выражением, которое он научился распознавать ещё в интернате: «Талантливый, но...»

Талантливый, но странный. Талантливый, но замкнутый. Талантливый, но непредсказуемый.

Юра знал, что они имели в виду. Он принимал решения иначе, чем другие. Не по учебникам, не по протоколам – по чему-то, что сидело глубже. Интуиция? Инстинкт? Он не мог объяснить, но чувствовал правильный курс так же ясно, как чувствовал направление ветра или запах дождя.

Это его и спасло.

Авария на орбитальной станции «Восток-7» случилась на третий год службы. Разгерметизация модуля, отказ автоматики, сорок секунд до полной потери атмосферы. Юра был за штурвалом спасательного челнока, и все смотрели на него – четверо членов экипажа с широко раскрытыми глазами, ждущие решения.

Протокол предписывал стандартный манёвр: аварийная стыковка к целому шлюзу, эвакуация через переходной отсек. Двадцать секунд подготовки, ещё двадцать на выполнение. Ровно сорок.

Юра посмотрел на станцию – и увидел то, чего не было в протоколах. Микротрещину в обшивке. След микрометеорита, оставленный, может быть, годы назад. Если он пойдёт стандартным маршрутом, вибрация стыковки расширит трещину. Модуль разорвёт.

Он сделал невозможное.

Повернул челнок на девяносто градусов, использовал корпус как щит, пробил аварийную переборку носом корабля – и создал импровизированный шлюз из обломков. Грубо. Варварски. Против всех правил.

Экипаж выжил.

Потом было расследование, выговор, едва не увольнение. «Нарушение протокола», «подвергал риску жизни», «неоправданный риск». Юра слушал и молчал. Он не мог объяснить, откуда знал про трещину. Не мог объяснить, как увидел единственный путь к спасению за долю секунды до того, как принял решение.

Но кто-то из следственной комиссии всё-таки посмотрел записи внимательнее. Нашёл ту трещину – микроскопическую, незаметную для приборов. Посчитал вероятности.

Выговор отменили. Юру представили к награде.

А через полгода пришло приглашение в программу «Прометей».

На сорок пятый день сны стали длиннее.

Юра просыпался – если это можно было назвать пробуждением – и понимал, что прошло шесть часов, восемь, десять. Время растягивалось внутри геометрии, как тесто под скалкой. Он блуждал по лабиринтам из линий и углов, и каждый поворот открывал новые пространства, невозможные, противоречащие евклидовой логике.

И там был кто-то ещё.

Не человек – Юра это понимал сразу. Не существо – тоже. Что-то без формы и границ, что-то, что было частью самой геометрии. Оно не смотрело на него – у него не было глаз. Не говорило – у него не было голоса. Но оно присутствовало, и это присутствие ощущалось как давление на барабанные перепонки, как гул на частоте ниже слышимого.

Юра не боялся. Это удивляло его больше всего.

Он должен был бояться. Любой нормальный человек боялся бы. Но страх требовал понимания угрозы, а здесь не было угрозы – только... интерес? Внимание? Что-то древнее и огромное, повернувшееся в его сторону с медлительностью ледника.

После таких снов он рисовал часами.

Мандалы множились в его личной папке: десять, двадцать, тридцать. Каждая была вариацией одной темы – спирали, вложенные друг в друга, с нарушенной симметрией. Но детали различались. Углы менялись. Паттерны усложнялись.

Юра не понимал, что он рисует. Но что-то внутри него понимало – и это что-то вело его руку.

На сорок восьмой день он совершил ошибку.

Он оставил файл открытым.

– Юра.

Голос Ли застал его врасплох. Они редко разговаривали – бывший монах был самым молчаливым членом экипажа, и Юра, честно говоря, не знал, как к нему относиться. Было в Ли что-то... непроницаемое. Как камень, под которым может быть пустота, а может – бездонный колодец.

– Да?

– Интересный рисунок.

Юра похолодел. Бросил взгляд на экран – файл всё ещё светился на интерфейсе, мандала во всей своей странной красоте.

– Это... ничего. Просто... – он запнулся, не зная, как объяснить.

– Не нужно объяснять.

Пауза. Юра ждал вопросов, обвинений, требований показать остальные рисунки. Ничего не последовало.

– Ты видишь это во сне, – сказал Ли. Не вопрос.

– Откуда вы...

– Я тоже вижу.

Юра замер. Жидкость в капсуле вдруг показалась слишком плотной, слишком тесной.

– Что вы видите? – спросил он, и собственный голос прозвучал чужим.

– Не это, – Ли помолчал, подбирая слова. – Не картинки. Но... геометрию. Логично. Что-то, что пытается... – он не закончил.

– Пытается что?

– Не знаю. Может быть, говорить. Может быть, просто существовать. Иногда трудно отличить.

Юра смотрел на мандалу. Спирали внутри спиралей. Нарушенная симметрия.

– Воронцова знает? – спросил он.

– Подозревает. Она хороший врач – замечает аномалии. Но видеть и понимать – разные вещи.

– А вы понимаете?

Долгая пауза. Когда Ли заговорил снова, его голос был другим – тише, глубже.

– Я тридцать лет искал что-то. Не знал что. Медитировал, молился, изучал. Всегда чувствовал, что за стеной – не знаю какой стеной – есть... другое. Больше. – Пауза. – Здесь стена тоньше.

– И что за ней?

– Не знаю. Ещё не знаю. Но рисунки... – Юра почти услышал улыбку в его голосе. – Рисунки – хороший способ смотреть. Продолжай.

Связь отключилась.

Юра остался наедине со своей мандалой и чувством, которому не было названия. Облегчение? Страх? Что-то среднее – как первый шаг по льду, который может выдержать, а может провалиться.

Он не был один.

Эта мысль была пугающей. И – почему-то – утешительной.

На пятидесятый день Юра нарисовал что-то новое.

Он не планировал – просто проснулся с образом в голове, таким ясным, будто его выжгли на сетчатке. И рука потянулась к экрану раньше, чем он успел подумать.

Это была не мандала.

Это было... существо?

Нет, не существо – присутствие. Форма без формы, контур без линий. Юра рисовал его часами, снова и снова стирая и начиная заново, потому что каждый раз получалось неправильно. Слишком конкретно. Слишком человеческим.

То, что он видел, не имело аналогов в человеческом опыте.

Наконец он сдался. Отложил стилус – виртуальный, всего лишь движение пальца по экрану – и посмотрел на результат.

Пустое пространство. Почти пустое. В центре – точка, из которой расходились линии, но не прямые, а... искривлённые. Изогнутые вокруг чего-то невидимого. Как свет вокруг чёрной дыры.

И это было правильно.

Юра смотрел на рисунок и чувствовал, как что-то внутри него откликается. Резонирует. Да, шептало это что-то. Ты видишь. Ты начинаешь видеть.

Он не знал, чей это был голос – свой или чужой.

И это пугало его больше всего.

– Юра, можно вопрос?

Голос Деви был резким, деловым – как всегда. Но под деловитостью Юра уловил что-то ещё. Любопытство? Нетерпение?

– Да.

– Твои рисунки. Ты показываешь их только Ли?

Юра замер. Откуда она знала?

– Я... нет. То есть... – он запнулся.

– Не нужно объяснять, – Деви повторила слова Ли, но с совсем другой интонацией. – Я просто хочу их видеть.

– Зачем?

– Потому что они не случайны. Паттерны, которые ты рисуешь, – я видела похожие в расчётах двигателя. В термодинамических моделях. В квантовых осцилляциях.

Юра не понял ни слова.

– То есть... – он попытался сформулировать вопрос.

– То есть ты рисуешь что-то, что имеет математический смысл. Что-то, чего мы ещё не знаем, но что существует. – Пауза. – Откуда?

– Из снов.

– Сны – это обработка информации мозгом. Ты не можешь видеть во сне то, чего не знаешь.

– Но я не знаю этого, – Юра почувствовал раздражение. – Я никогда не изучал... как вы сказали, квантовые осцилляции. Я даже не знаю, что это такое.

– Именно.

Молчание. Деви что-то обдумывала – Юра почти слышал, как щёлкают шестерёнки в её мозгу.

– Покажи мне, – сказала она наконец. – Все рисунки. Мне нужно сравнить с данными.

– Почему я должен...

– Потому что это важно. Потому что ты, возможно, видишь что-то, чего мы не можем увидеть иначе. – Пауза. – И потому что я хочу понять.

Последняя фраза прозвучала почти уязвимо – и это удивило Юру больше, чем всё остальное. Деви никогда не выказывала уязвимости. Деви была бронёй и сталью, логикой и расчётом.

– Ладно, – сказал он. – Я отправлю.

– Спасибо.

Связь прервалась.

Юра открыл папку с рисунками и начал загружать их в общую сеть. Тридцать два файла. Тридцать две попытки зафиксировать то, что нельзя было зафиксировать.

Когда закончил, он почувствовал себя... голым? Уязвимым? Чем-то средним.

Его сны были теперь достоянием экипажа. Его внутренний мир – материалом для анализа.

Но может быть, так и нужно было. Может быть, один он никогда бы не понял, что означали эти спирали и углы. Может быть, для понимания нужно было пятеро – пять пар глаз, пять мозгов, пять разных способов видеть.

Может быть.

Юра закрыл глаза и позволил усталости накрыть себя.

Геометрия уже ждала – на границе сна, терпеливая, как всегда. Терпеливая, как что-то, что существовало миллиарды лет и могло подождать ещё.

Ночью – на пятьдесят второй день, если время ещё имело смысл – Юра увидел самый странный сон.

Он стоял в центре мандалы.

Не рисованной – настоящей. Или настоящей для сна, что бы это ни значило. Линии под ногами светились тусклым синим светом, спирали уходили во все стороны, до горизонта и дальше. Небо над головой было чёрным, но не пустым – оно было полно чего-то, что казалось темнее темноты.

И это что-то смотрело.

Юра поднял голову и понял, что «смотрело» – неправильное слово. У этого не было глаз. Не было органов восприятия вообще. Но оно было направлено на него – всё, целиком, с такой интенсивностью, что он едва не упал на колени.

Привет.

Слово прозвучало не вслух – скорее, появилось в его голове, как мысль, которая не была его мыслью. Привет, повторил голос без голоса. Мы видим тебя.

– Кто вы? – спросил Юра. Или подумал. Разница между словами и мыслями здесь была размыта.

Мы – то, что всегда было. То, что будет, когда вас не станет. То, что между.

– Я не понимаю.

Ты рисуешь нас. Это начало.

Юра посмотрел на линии под ногами. Его мандалы. Его спирали.

– Это... вы?

Это – способ видеть. Ты учишься.

– Учусь чему?

Видеть.

Логика была круговой, бессмысленной – и одновременно абсолютно правильной. Юра чувствовал это. Понимание, которое не укладывалось в слова.

– Чего вы хотите? – спросил он.

Пауза. Темнота над головой заколыхалась, как вода под ветром.

Мы не хотим. Мы есть. Вы – первые за долго, кто светится достаточно ярко, чтобы мы могли... – слово было непереводаемым, образом, ощущением. – Заметить.

– Мы светимся?

Ускорение. Ваши тела горят. Ваши мозги... – снова непереводаемое. – Как маяки.

Юра вспомнил эффект Унру. Тепловое излучение ускоряющегося наблюдателя. Вакуум, который не был пустым.

– Мы светимся в вакууме, – сказал он. – Для вас.

Да.

– И что теперь?

Теперь мы... – образ: мост, или дверь, или просто соприкосновение двух разных сред. – Слушаем. Вы слушаете. Начало.

Мандала под ногами начала тускнеть. Сон заканчивался – или это что-то уходило, забирая с собой яркость.

– Подождите, – Юра протянул руку, хотя не знал, к чему. – Я не...

Ты будешь рисовать. Мы будем смотреть. Этого достаточно.

Темнота схлопнулась.

Юра проснулся.

Капсула была тесной. Жидкость – тяжёлой. Сердце колотилось так, что мониторы наверняка сошли с ума.

Но в голове была ясность. Кристальная, пугающая ясность.

Он не сходил с ума. Он не галлюцинировал. Что-то было там – за стеной, за геометрией, за линиями его рисунков. Что-то старое и огромное, что-то, что заметило их, потому что они горели слишком ярко.

Эффект Унру. Температура ускорения. Их тела, сжатые десятикратной гравитацией, излучали энергию в вакуум – крошечную, неизмеримую, но достаточную, чтобы...

Чтобы что?

Юра открыл графическое приложение и начал рисовать.

На этот раз линии шли легко. Рука знала, что делать. Спирали, углы, нарушенная симметрия – но теперь он понимал, что рисует. Не существо. Не структуру. Язык.

Способ говорить с чем-то, для чего слова не были придуманы.

Когда закончил, на экране была новая мандала – сложнее и проще всех предыдущих одновременно. В центре – точка, из которой расходились спирали. По краям – символы, которых Юра не помнил, но которые были очевидно правильными.

Он не знал, что они означают.

Но знал, что скоро узнает.

– Воронцова, – он активировал связь. – Мне нужно с вами поговорить.

– Что случилось? Твоя телеметрия показывает...

– Знаю. Я видел сон. – Пауза. – Они говорили со мной.

Долгое молчание на другом конце.

– Кто – они?

Юра посмотрел на рисунок. Спирали смотрели в ответ – или ему так казалось.

– Те, кто здесь, – сказал он. – Те, для кого мы светимся.

Он не стал объяснять дальше. Не смог бы.

Вместо этого отправил рисунок в общую сеть – и стал ждать.

За бортом «Прометей» пустота больше не казалась пустой.

Глава 4: Данные

Данные не лгали.

Нина повторяла это себе как мантру, глядя на экран, где пять линий ЭЭГ выписывали невозможный танец. Данные не лгали – они могли быть неполными, могли быть неправильно интерпретированы, могли содержать артефакты и шумы. Но лгать они не умели.

И сейчас они говорили ей нечто, во что она не хотела верить.

Пять мозгов. Пять отдельных сознаний, разделённых метрами металла и тоннами жидкости. Пять независимых нейронных сетей, которые никак – никак – не могли синхронизироваться.

Синхронизировались.

Нина увеличила масштаб графика, надеясь найти погрешность. Сбой датчиков? Нет, калибровка в норме. Наводка от бортовых систем? Частота не совпадала. Артефакт обработки сигнала? Она проверила алгоритмы трижды – всё работало штатно.

На семьдесят третий день полёта пять человеческих мозгов начали думать в унисон.

Не постоянно – это было бы совсем уж безумием. Синхронизация возникала волнами, эпизодами по три-семь минут, и каждый эпизод коррелировал с чем-то, что Нина пока не могла идентифицировать. Какой-то внешний фактор. Какой-то стимул.

Она откинулась в жидкости капсулы – насколько это было возможно при десяти g – и закрыла глаза.

Что она упускала?

Началось три дня назад, с рисунков Юры.

Когда Деви переслала ей папку с тридцатью двумя файлами, Нина сначала не поняла, что смотрит. Мандалы? Абстрактные узоры? Она не была искусствоведом и не претендовала на понимание творческих порывов двадцативосьмилетнего пилота.

Но Деви настаивала.

– Посмотри на паттерны, – говорила она, и в её голосе звенело возбуждение, которого Нина никогда прежде не слышала. – Не на картинки – на структуру. Спирали. Соотношение углов. Точки нарушения симметрии.

Нина смотрела. Видела спирали. Видела углы. Не понимала, к чему Деви клонит.

– И что?

– Это не случайные рисунки, Воронцова. Это математика. Точнее – физика. Юра рисует модели квантовых осцилляций в вакууме.

– Он не физик.

– Именно.

Пауза. Нина переваривала информацию.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что он рисует что-то, чего не может знать. Что-то, что существует только в теоретических моделях – и не во всех. Некоторые из этих паттернов я видела в работах Хокинга по излучению чёрных дыр. Другие – в статьях об эффекте Унру. А некоторых я не видела нигде.

– Нигде?

– Нигде. Но они математически согласованны. Я проверяла.

Нина молчала. Её медицинский мозг перебирал объяснения: криптомнезия – забытые знания, всплывающие в изменённом состоянии сознания. Савантизм – внезапное проявление

способностей после травмы или стресса. Парейдолия – склонность видеть паттерны там, где их нет.

Ни одно объяснение не работало.

– Откуда он это берёт? – спросила Деви, и в её голосе была не риторика, а настоящий вопрос. – Откуда человек без физического образования рисует схемы, которые ещё не опубликованы?

– Может, совпадение...

– Тридцать два совпадения подряд?

Нина не ответила. Вместо этого она открыла файлы мониторинга и начала искать.

Она нашла это на второй день поисков.

ЭЭГ Юры в момент рисования показывала аномальную активность – это было ожидаемо. Повышенная активность в зрительной коре, в моторных центрах, в областях, отвечающих за пространственное мышление. Всё логично для творческого процесса.

Но вот что было нелогично: в те же самые моменты аналогичные паттерны возникали у Ли.

Не идентичные – мозг каждого человека уникален, и двух одинаковых ЭЭГ не существует. Но похожие. Слишком похожие для случайности.

Нина расширила выборку. Проверила данные Деви. Ральфа. Свои собственные.

У всех.

Когда Юра рисовал свои невозможные мандалы, у всех пяти членов экипажа наблюдались синхронные всплески мозговой активности. Не постоянно – эпизодами. Три-семь минут. Потом нормальная активность. Потом снова всплеск.

Как будто что-то... включалось.

Нина провела корреляционный анализ. Потом ещё один. Потом третий – с другими параметрами, на случай, если ошиблась.

Результат был одинаковым.

Коэффициент корреляции: 0.87.

В медицинской статистике всё, что выше 0.7, считалось сильной связью. 0.87 было практически доказательством причинно-следственной зависимости.

Пять мозгов. Пять отдельных людей. Корреляция 0.87.

Это было невозможно.

– Объясни мне ещё раз, – голос Ральфа был ровным, командирским, но Нина слышала за ним напряжение. – Медленно.

Она сделала глубокий вдох – насколько это было возможно в жидкости – и начала сначала.

– ЭЭГ фиксирует электрическую активность мозга. У каждого человека она уникальна – как отпечаток пальца. Даже близнецы имеют различия. То, что я наблюдаю последние три дня, не должно быть возможным.

– Но ты наблюдаешь.

– Да.

– И что именно?

Нина вывела графики на общий экран – все пятеро могли видеть их через интерфейсы своих капсул.

– Вот это – моя мозговая активность за последние семьдесят два часа. Вот это – твоя. Деви. Юры. Ли. – Пять линий, пять разных рисунков. – А вот это – те же данные, наложенные друг на друга с временной синхронизацией.

Линии сошлись.

Не идеально – были расхождения, флуктуации, индивидуальные особенности. Но в определённые моменты – отмеченные на графике красными маркерами – все пять линий двигались вместе. Вверх. Вниз. Вверх.

Как будто пять человек одновременно думали одну мысль.

– Какого... – начал Юра, но не закончил.

– Сколько таких эпизодов? – спросила Деви. В её голосе не было страха – только жадное любопытство.

– Сорок семь за последние три дня. Продолжительность от трёх до семи минут. Интервалы нерегулярные.

– С чем они коррелируют?

– Я не уверена, – Нина помедлила. – Сначала думала, что с рисованием Юры. Но это не объясняет все эпизоды. Есть другой фактор.

– Какой?

Нина вывела на экран другой график – данные с двигательной системы корабля.

– Ускорение.

Тишина. Все смотрели на экран, где две линии – мозговая активность и ускорение – накладывались друг на друга с пугающей точностью.

– Не постоянное ускорение, – продолжала Нина. – Микрофлуктуации. Колебания в одну-две сотых g. Ничтожные изменения, которые мы не должны даже чувствовать. Но каждый раз, когда ускорение чуть-чуть увеличивается...

– Мы синхронизируемся, – закончила Деви. – Как будто что-то... настраивается на нас.

– Или мы настраиваемся на что-то, – тихо сказал Ли.

После общего разговора Нина ещё долго смотрела на данные.

Синхронизация. Корреляция. Микрофлуктуации. Слова, которые должны были всё объяснить – и не объясняли ничего.

Что могло вызывать синхронную активность пяти изолированных мозгов? Нейронаука знала такие феномены – но они требовали физического контакта. Зеркальные нейроны работали, когда люди видели друг друга. Эмпатическая синхронизация требовала эмоционального взаимодействия. Даже телепатия – если бы она существовала – предполагала какой-то канал передачи.

Здесь не было ничего.

Пять человек в изолированных капсулах, разделённых метрами металла и пластика. Никакого визуального контакта. Минимальное вербальное общение. И всё равно их мозги начинали работать синхронно – каждый раз, когда ускорение чуть-чуть увеличивалось.

Почему?

Нина вернулась к статьям об эффекте Унру, которые читала несколько недель назад. Ускоряющийся наблюдатель воспринимает вакуум как тепловое излучение. При 10g температура этого излучения была ничтожной – порядка 10^{-19} кельвина. Неизмеримо мало.

Но что если...

Она начала вводить расчёты. Температура излучения Унру. Энергия фотонов при этой температуре. Длина волны.

Числа были абсурдными. Длина волны излучения Унру при 10g составляла порядка световых лет. Фотоны с такой длиной волны не существовали в обычном понимании – они

были скорее квантовыми флуктуациями, виртуальными частицами, существующими на границе бытия и небытия.

И всё же.

Нина нашла статью, которую пропустила в первый раз. Теоретическая работа, опубликованная всего пять лет назад, о возможном взаимодействии квантовых флуктуаций вакуума с нейронными микротрубочками. Авторы – физик и нейробиолог – предполагали, что при определённых условиях человеческий мозг мог быть чувствителен к квантовым эффектам.

Гипотеза была спорной. Большинство учёных считали её спекуляцией. Эксперименты не давали однозначных результатов.

Но они проводились на Земле. При ускорении в одно g .

Что если при десяти g всё было иначе?

– Юра, – Нина активировала прямой канал. – Мне нужно задать тебе вопрос.

– Да? – Его голос звучал настороженно. После инцидента с рисунками он стал осторожнее.

– Когда ты рисуешь... что ты чувствуешь?

Пауза. Юра обдумывал ответ.

– Сложно объяснить, – сказал он наконец. – Как будто... рука сама знает, что делать. Я не думаю о линиях. Просто смотрю, как они появляются.

– Ты чувствуешь что-то ещё? Физически?

– Давление. Иногда. Не настоящее давление – скорее... как будто что-то смотрит. Или слушает. Или... – он замолчал.

– Или что?

– Не знаю, как сказать. Как будто я не один. Даже когда один.

Нина сделала пометку. Субъективное ощущение присутствия. Паранормальные объяснения были бы удобны – и абсолютно ненаучны.

– Эти ощущения – они усиливаются в какие-то моменты?

– Да. – Юра ответил почти сразу, без колебаний. – Когда двигатель... не знаю, как объяснить. Когда что-то меняется в вибрации. Совсем чуть-чуть. Как будто корабль вздыхает.

Микрофлуктуации ускорения. Юра чувствовал их – не приборами, не расчётами, а телом. Мозгом.

– Спасибо, – сказала Нина. – Это помогает.

– Помогает чему?

– Понять.

Она отключила связь и добавила новые данные в свою модель.

К концу седьмого дня у Нины была теория.

Не доказательство – доказательства требовали экспериментов, контрольных групп, повторяемости результатов. Но теория – связная, логичная, объясняющая наблюдаемые факты.

Эффект Унру создавал квантовые флуктуации в вакууме вокруг ускоряющегося объекта. При ускорении в $10g$ эти флуктуации были ничтожно слабыми – но они существовали. Человеческий мозг, погружённый в жидкость, сжатый давлением, работающий в экстремальных условиях, каким-то образом входил в резонанс с этими флуктуациями.

Не все мозги – не все области. Только определённые структуры. Микротрубочки? Синапсы? Нина не знала точного механизма. Но результат был налицо: пять человек, находящихся в одном поле Унру, начинали синхронизировать свою мозговую активность.

Как камертоны, настроенные на одну частоту.

Но это объясняло только половину загадки. Синхронизация – ладно. А что насчёт рисунков Юры? Откуда он брал образы, которых не мог знать?

Нина долго думала над этим вопросом. И ответ, который пришёл к ней, был... неприятным.

Что если рисунки не были продуктом мозга Юры?

Что если он – и все они – принимали что-то извне?

Она не сказала об этом остальным. Пока не сказала.

Теория была слишком... сумасшедшей. Слишком похожей на бред о пришельцах и телепатии. Нина была врачом, учёным, рационалистом. Она не верила в сверхъестественное.

Но данные.

Данные не лгали.

Сорок семь эпизодов синхронизации. Корреляция с микрофлуктуациями ускорения. Рисунки, содержащие информацию, которой Юра не мог обладать.

Если отбросить все невозможные объяснения, что остаётся?

Нина знала эту логику. Холмс, Оккам, научный метод. Если исключить невозможное, оставшееся – каким бы невероятным оно ни было – должно быть истиной.

Невозможное: случайное совпадение с вероятностью меньше одной миллиардной.

Невозможное: массовая галлюцинация пяти человек с одинаковым содержанием.

Невозможное: технический сбой, одинаково влияющий на пять независимых систем.

Что оставалось?

Контакт.

Слово всплыло в сознании, и Нина почувствовала, как по спине пробежал холодок. Контакт с чем? С кем? Вокруг них была пустота – миллионы километров ничего, только звёзды, слишком далёкие, чтобы иметь значение.

Но вакуум не был пустым. Физика говорила об этом уже сто лет. Квантовые флуктуации, виртуальные частицы, энергия нулевой точки. Вакуум кипел процессами, невидимыми для человеческих органов чувств.

И теперь, под давлением в десять g, их мозги начинали эти процессы воспринимать.

Мы светимся для кого-то.

Фраза пришла ниоткуда – как чужая мысль, попавшая в её голову. Нина вздрогнула.

Юра. Юра говорил это несколько дней назад, передавая слова из своего сна.

Мы светимся для кого-то.

– Деви, – Нина активировала канал. – У тебя есть минута?

– У меня есть четыре года, – отозвалась Деви с привычной язвительностью. – Что нужно?

– Твои расчёты по рисункам Юры. Ты говорила, что некоторые паттерны не встречаются в известной литературе.

– Да.

– Но они математически согласованны.

– Да.

– Как это возможно?

Пауза. Деви размышляла – Нина почти слышала, как щёлкают нейроны в её мозгу.

– Два варианта, – сказала она наконец. – Первый: Юра – гений, который интуитивно выводит новую физику. Такое бывало – Рамануджан, например. Никакого формального образования, но формулы, которые математики расшифровывают до сих пор.

– А второй?

– Второй: он получает информацию откуда-то ещё.

– Откуда?

– Хороший вопрос. – В голосе Деви появилась нотка, которую Нина не сразу опознала. Возбуждение? Страх? Что-то среднее. – Я думала об этом. Много думала.

– И?

– Эффект Унру работает в обе стороны.

Нина нахмурилась.

– Объясни.

– Ускоряющийся наблюдатель видит тепловое излучение вакуума. Это – одна сторона.

Но если есть излучение, значит, есть и его источник. Вакуум – не просто пустота. Это... среда. Носитель информации. И если мы светимся для чего-то в этой среде...

– ...то это что-то тоже может светиться для нас.

– Именно.

Нина замолчала, обрабатывая идею. Двусторонняя связь. Не просто пассивное восприятие – активный обмен.

– Ты думаешь, что Юра... принимает сигналы?

– Я думаю, что мы все принимаем сигналы. Юра просто лучше их визуализирует.

– Но сигналы от кого?

– Или от чего. – Деви помолчала. – Воронцова, я физик. Моя работа – объяснять механизмы, а не природу того, что за ними стоит. Механизм я понимаю: ускорение создаёт условия для квантового резонанса между мозгом и вакуумными флуктуациями. Но что эти флуктуации собой представляют... – она не закончила.

– Ты не знаешь.

– Никто не знает. Это – за пределами известной физики.

За пределами. Нина держалась за это слово, как за спасательный круг. За пределами – значит, не невозможно. Значит, просто непознано.

Наука всегда расширяла границы. То, что вчера было за пределами, сегодня становилось учебником.

Может быть, они просто оказались на передовой. Первыми, кто заглянул за новый горизонт.

Или – последними, кто заглянул туда и вернулся.

На семьдесят восьмой день Нина провела эксперимент.

Простой, почти примитивный. Она попросила всех пятерых членов экипажа закрыть глаза в определённый момент и сосредоточиться на одной мысли. Не конкретной – просто на ощущении присутствия. На том, что Юра описывал как «не один, даже когда один».

Результаты были... показательными.

ЭЭГ всех пяти участников синхронизировалась в течение тридцати секунд. Не постепенно – резко, будто кто-то щёлкнул выключателем. Активность в теменных долях – областях, отвечающих за ощущение границ тела – снизилась одновременно у всех. Как будто пятеро людей на несколько минут перестали ощущать, где заканчиваются их тела и начинается мир.

Или – перестали ощущать, где заканчиваются их сознания и начинаются другие.

– Это было странно, – сказал Юра после эксперимента. Его голос дрожал. – Я... я чувствовал вас. Всех. Не мысли – скорее... присутствие.

– Как будто мы были в одной комнате, – добавил Ли. – Хотя я знаю, что каждый в своей капсуле.

– Ментальная синестезия, – предположила Деви. – Мозг интерпретирует необычные сигналы в знакомых категориях.

– Это не объяснение, – возразила Нина. – Это описание.

– Тогда объясни ты.

Нина молчала. У неё было объяснение – но оно ей не нравилось.

Их мозги настраивались на общую частоту. Не метафорически – буквально. Квантовые осцилляции в вакууме создавали что-то вроде нейронной сети, распределённой в пространстве. Пять узлов. Пять сознаний. Одна волна.

Но это было не всё.

Потому что во время эксперимента Нина чувствовала не только четырёх своих товарищей.

Было что-то ещё. Шестое присутствие – или шестое, седьмое, бесконечное? Что-то огромное и древнее, что-то, что наблюдало за ними с интересом старого учёного, изучающего новый вид.

Мы светимся для кого-то.

И этот кто-то – смотрел.

Вечером – условным вечером, отмеченным только показаниями хронометра – Нина составляла отчёт.

Официальный, предназначенный для Земли. Сухие факты. Графики. Статистика. Никаких интерпретаций, выходящих за рамки научной методологии.

«На 78-й день миссии зафиксирована устойчивая синхронизация ЭЭГ всех членов экипажа. Коэффициент корреляции составляет 0.87 ± 0.03 . Эпизоды синхронизации коррелируют с микрофлуктуациями ускорения ($r=0.91$). Предполагаемый механизм: резонанс нейронной активности с квантовыми флуктуациями вакуума в соответствии с эффектом Унру. Требуется дальнейшее исследование».

Она перечитала написанное. Слова были точными, нейтральными. И совершенно неспособными передать то, что она чувствовала.

Страх? Да, но не только.

Благоговение. Вот что это было. Чувство, которое охватывает, когда стоишь на краю чего-то огромного и впервые понимаешь, насколько мал твой мир.

Нина не была верующей. Потеряла веру давно – если вообще когда-то имела. Смерть Андрея убила последние остатки надежды на что-то большее, чем биохимия и энтропия.

Но сейчас...

Сейчас данные говорили ей, что вселенная была сложнее, чем она думала. Что в ней было что-то, чему она не знала названия. Что-то, что существовало задолго до людей и будет существовать после них.

И это что-то обратило на них внимание.

Нина добавила к отчёту личную заметку – не для Земли, только для себя:

«Мы не одни. Не знаю, кто или что разделяет с нами это пространство. Не знаю, друг это или враг, или категории не применимы. Знаю одно: контакт начался. И у нас нет возможности его прервать».

Она сохранила файл и закрыла глаза.

За бортом «Прометея» вакуум мерцал невидимым светом – излучением их ускоряющихся тел. Маяки в темноте. Первый огонь за миллиарды лет.

И что-то в темноте поворачивалось к огню – медленно, неотвратно, с любопытством, которое было старше звёзд.

Ночью Нина впервые увидела сон о геометрии.

Не свой сон – она была уверена в этом. Сон принадлежал Юре, или Ли, или никому из них – или всем сразу. Спирали, сходящиеся в точке невозможного угла. Линии, искривлённые вокруг чего-то невидимого. Пространство, которое не подчинялось евклидовым законам.

И голос. Не слова – что-то более древнее. Ощущение, которое её мозг перевёл в слова уже после пробуждения.

Мы видим вас.

Вы горите достаточно ярко.

Начало.

Нина проснулась с бьющимся сердцем и пальцами, которые сами потянулись к интерфейсу.

ЭЭГ – свою и чужую – она проверила первым делом.

Все пятеро. Синхронная активность. Пик – в 03:47:22 по бортовому времени.

В это же время, согласно датчикам двигателя, ускорение кратковременно увеличилось на 0.03g.

Мы светимся для кого-то.

Теперь Нина знала: это была не метафора.

Это был факт.

И она понятия не имела, что с этим делать.

Утром – условным утром – она отправила отчёт на Землю.

Сигнал будет идти почти три месяца. Ответ – ещё столько же. Полгода, прежде чем кто-то на Земле узнает то, что знала она.

Полгода, за которые могло случиться что угодно.

Нина смотрела на экран, где мерцали пять линий ЭЭГ – пять жизней, пять сознаний, пять огоньков в бесконечной тьме. Они были связаны теперь – не только дружбой или миссией, но чем-то более глубоким. Чем-то, для чего у неё не было слов.

Мы светимся.

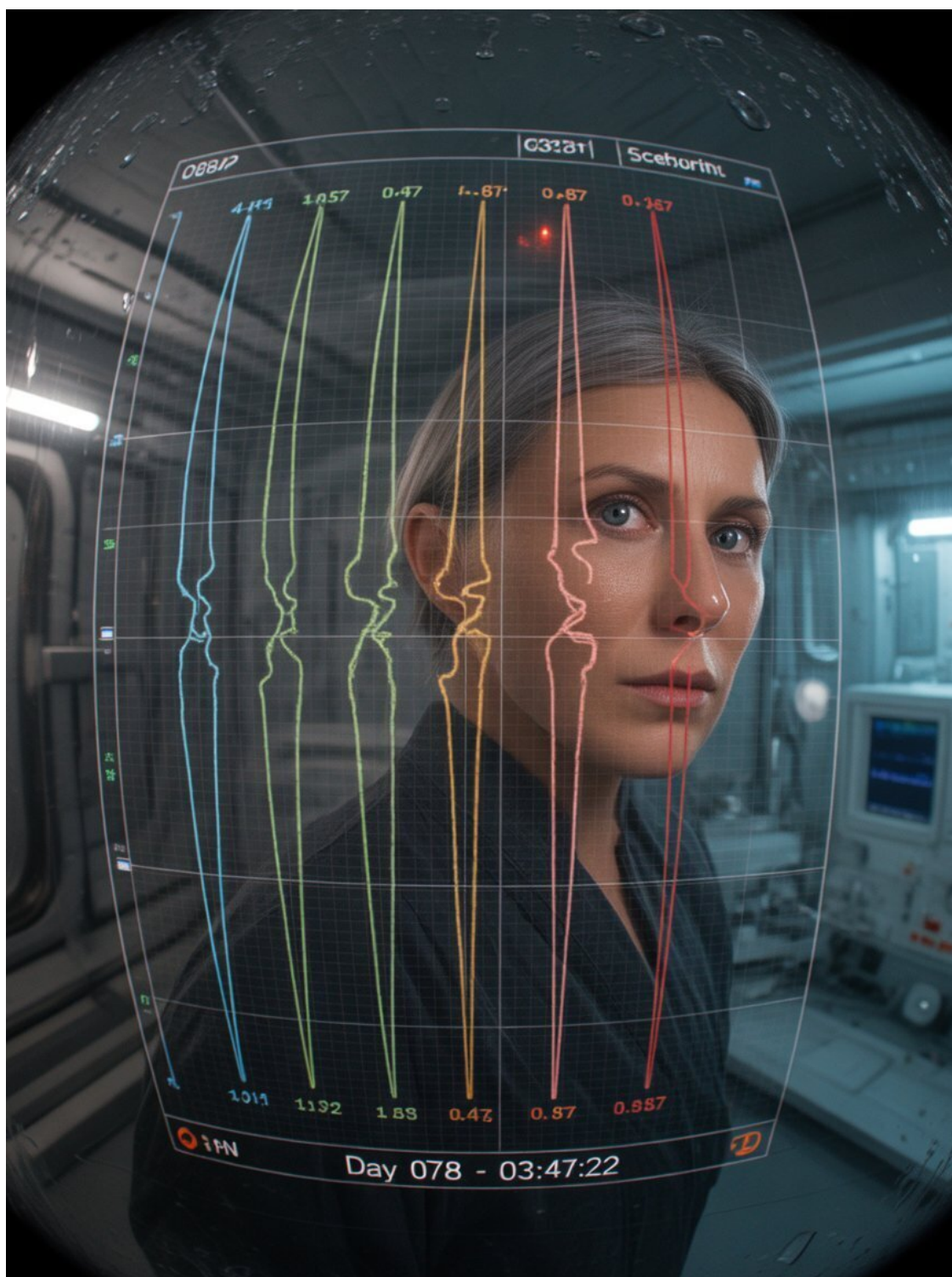
Мы – маяки.

Что-то нас видит.

Она не знала, было ли это начало чего-то прекрасного или ужасного. Не знала, изменит ли это человечество к лучшему или уничтожит его. Не знала ничего – кроме того, что видели её глаза и что показывали приборы.

Данные не лгали.

И данные говорили: контакт начался.

Глава 5: Брифинг

Командир принимает решения.

Ральф Сагимото знал это с первого дня службы – ещё до «Прометея», до космоса, до всего. Командир не имеет права на сомнения. Не имеет права на страх. Командир смотрит на факты, взвешивает варианты и выбирает путь. Даже если все пути ведут в пропасть.

Сейчас, на восьмидесятый день полёта, глядя на данные, которые Нина вывела на общий экран, он чувствовал, как привычная броня трещит по швам.

Пять линий ЭЭГ. Пять мозгов. Синхронизация.

– Повтори, – сказал он, хотя слышал всё прекрасно. – Медленно.

Нина не стала спорить. Её голос звучал ровно, профессионально – но Ральф знал её достаточно долго, чтобы слышать напряжение под этой ровностью.

– На протяжении последних двух недель я фиксирую устойчивую синхронизацию мозговой активности всех членов экипажа. Коэффициент корреляции – ноль восемьдесят семь. Эпизоды синхронизации коррелируют с микрофлуктуациями ускорения. – Пауза. – Мы думаем в унисон, командир. Не постоянно, но регулярно. И это не должно быть возможным.

Ральф смотрел на графики. Линии сходились и расходились, как голоса в хоре – каждый свой, но в определённые моменты сливающиеся в одну ноту.

– Причина?

– Предположительно – эффект Унру. Ускорение создаёт квантовые флуктуации в вакууме. Наши мозги каким-то образом входят в резонанс с этими флуктуациями.

– Каким образом?

– Не знаю. – Нина не пыталась скрыть неуверенность. – Механизм неясен. Но данные однозначны.

Ральф перевёл взгляд на остальных членов экипажа – насколько это было возможно через интерфейсы капсул. Четыре лица на четырёх экранах: Деви, Юра, Ли, Нина. Его команда. Его ответственность.

Деви смотрела на графики с выражением, которое он видел у неё редко – почти детским восторгом. Глаза блестели, губы чуть приоткрыты. Она была счастлива, понял Ральф. Счастлива этой аномалией, этой невозможностью.

Юра был бледен. Даже сквозь искажения жидкости и экрана Ральф видел, как напряжены его скулы, как дёргается мышца под глазом. Страх. Чистый, неразбавленный страх.

Ли... Ли был непроницаем. Как всегда. Его лицо не выражало ничего – ни удивления, ни тревоги, ни интереса. Только спокойствие, которое могло быть маской, а могло быть чем-то более глубоким.

– Вопросы, – сказал Ральф. Не приглашение – приказ.

Деви заговорила первой:

– Это подтверждает мои расчёты. Паттерны в рисунках Юры – они не случайны. Он получает информацию извне. Мы все получаем, просто он визуализирует лучше других.

– Информацию откуда? – спросил Ральф.

– Из вакуума. Из квантовых флуктуаций. Из... – она замялась, что было для неё нехарактерно. – Не знаю, как назвать. Но что-то там есть. Что-то, что реагирует на наше ускорение.

– Что-то, – повторил Юра. Его голос звучал хрипло. – Вы говорите «что-то», как будто это... как будто это нормально. Как будто это не значит, что за нами наблюдают.

– Мы не знаем, что это значит, – возразила Нина. – Наблюдение предполагает намерение. Квантовые флуктуации не имеют намерений.

– А если имеют?

Тишина. Вопрос Юры повис в воздухе – или в жидкости, которая их окружала.

Ральф смотрел на лицо пилота и видел там то, что не хотел видеть. Юра был на грани. Не сейчас – но скоро. Ещё несколько таких новостей, и он сломается.

– Ли, – Ральф повернулся к связисту. – Твоё мнение.

Ли молчал несколько секунд. Когда заговорил, его голос был тихим, почти мечтательным:

– Я тридцать лет искал доказательства того, что мир больше, чем кажется. Что за видимым есть невидимое. – Пауза. – Похоже, я нашёл.

– Это не ответ, – сказал Ральф.

– Это единственный ответ, который у меня есть. – Ли чуть наклонил голову. – Мы столкнулись с чем-то, для чего нет категорий. Можно называть это квантовыми флуктуациями. Можно – присутствием. Можно – богом. Название не меняет сути.

– И какова суть?

– Мы больше не одни.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Ральф чувствовал, как они расходятся кругами – в его собственном сознании, в сознании остальных.

Мы больше не одни.

Он думал об этом всю жизнь. С детства, когда смотрел на звёзды над Сиэтлом и гадал, есть ли там кто-то. С юности, когда читал фантастику и мечтал о контакте. С зрелости, когда понял, что вселенная, скорее всего, пуста – или населена чем-то настолько чуждым, что контакт невозможен.

И вот теперь – здесь, в жидкостном гробу, в двухстах миллионах километров от дома – это случилось.

Контакт.

Или что-то, похожее на контакт.

После брифинга – официальной части, где каждый высказался и ничего не решилось – Ральф остался наедине с мыслями.

Капсула была тесной. За три месяца он привык к этой тесноте – научился не думать о стенах, которые сжимались вокруг него, о жидкости, которая заполняла лёгкие, о давлении, которое никогда не отпускало. Но сейчас клаустрофобия вернулась – острая, удушающая.

Он закрыл глаза и попытался думать.

Факты. Начни с фактов.

Факт первый: их мозги синхронизируются. Это зафиксировано, измерено, подтверждено. Не галлюцинация, не ошибка приборов – реальность.

Факт второй: синхронизация коррелирует с ускорением. Чем сильнее микрофлуктуации – тем сильнее связь между их сознаниями.

Факт третий: Юра рисует паттерны, которые имеют математический смысл, но которых он не мог знать. Информация приходит откуда-то извне.

Факт четвёртый: они не могут остановиться. Не могут развернуться. Не могут прервать миссию. Даже если бы хотели – их тела уже адаптировались к ускорению. Торможение до одного g будет... проблематичным.

Ральф открыл глаза и посмотрел на экран, где всё ещё висели графики ЭЭГ. Пять линий. Пять жизней. Его ответственность.

Что бы сделал хороший командир?

Хороший командир оценил бы риски. Взвесил бы варианты. Принял бы решение, основанное на логике и опыте.

Но какая логика работала здесь? Какой опыт готовил к контакту с чем-то, что существовало в квантовых флуктуациях вакуума?

Ральф вспомнил своего первого командира – капитана Морисона на орбитальной станции «Свобода». Старый волк, прошедший три аварии и два политических кризиса. Однажды, после особенно тяжёлой смены, Ральф спросил его: как вы принимаете решения, когда нет правильного выбора?

Морисон посмотрел на него долгим взглядом и сказал:

– Правильного выбора не бывает, лейтенант. Бывает выбор, с которым ты сможешь жить. И выбор, с которым не сможешь.

С чем он мог жить?

Ральф думал о Юлии. О её лице на экране – бледном, обрамлённом капельницами, с глазами, которые верили в него безоговорочно. «Мы поедим на море?» Он обещал. Обещал вернуться.

Мог ли он вернуться теперь?

Данные говорили: его тело менялось. Кости перестраивались. Органы смещались. Каждый день ускорения делал возврат к нормальной гравитации всё менее возможным.

Но это было потом. Через четыре года. Сейчас вопрос стоял иначе: что делать с контактом?

Варианты:

Первый – игнорировать. Продолжать миссию как запланировано. Делать вид, что ничего не изменилось.

Второй – исследовать. Использовать оставшееся время для изучения феномена. Попытаться понять, с чем они столкнулись.

Третий – паниковать. Позволить страху взять верх. Потерять контроль.

Третий вариант он отбросил сразу. Паника – роскошь, которую командир не мог себе позволить.

Первый... первый был заманчив. Простой. Безопасный. Закрывать глаза, заткнуть уши, продолжать делать то, что должен.

Но Ральф знал: это не сработает. Юра уже на грани. Деви слишком возбуждена. Ли слишком спокоен – что само по себе тревожило. Игнорирование не решит проблему – только отсрочит её.

Оставался второй вариант.

Исследовать.

– Командир, можно вопрос?

Голос Юры звучал неуверенно. Ральф активировал прямой канал.

– Слушаю.

– Вы... вы верите в это? В то, что Воронцова говорит?

Ральф помолчал, подбирая слова.

– Данные убедительны.

– Но верите?

– Вера – не моя работа, Юра. Моя работа – принимать решения на основе информации.

– И какое решение вы примете?

Хороший вопрос. Ральф не знал ответа – пока.

– Мы продолжим миссию, – сказал он. – Это не обсуждается. Но мы также будем изучать феномен. Систематически, научно. Без паники и без... – он замаялся.

– Без чего?

– Без преждевременных выводов.

Юра молчал. Ральф слышал его дыхание – неровное, тяжёлое.

– Командир, – сказал он наконец, – я боюсь.

– Знаю.
– Я видел... в снах. Они смотрят на нас. Что-то смотрит. И я не знаю, чего оно хочет.
– Никто не знает.
– Это не утешает.
– Не должно. – Ральф сделал паузу. – Юра, страх – нормальная реакция. Я не прошу тебя не бояться. Прошу не позволять страху контролировать тебя.
– Как?
– Работай. Рисуй. Делай то, что умеешь. Страх отступает, когда руки заняты.
Юра не ответил. Ральф ждал.
– Ладно, – сказал пилот наконец. – Я попробую.
– Большого не прошу.
Связь прервалась. Ральф откинулся в капсуле и закрыл глаза.
Он солгал. Не о страхе – о том, что страх отступает. Его собственный страх никуда не уходил. Он просто научился с ним жить.

Вечером Ральф просматривал старые сообщения.

Он делал это каждый день – ритуал, который помогал сохранять связь с тем, что осталось позади. Сообщения от Юлии, записанные до старта. Её голос, её смех, её слова.

«Папа, я знаю, что ты будешь скучать. Я тоже буду. Но ты вернёшься, правда? Ты всегда возвращаешься».

Он не сказал ей тогда правду. Не сказал, что полёт в один конец – почти наверняка. Что даже если они достигнут Проксимы и развернутся, пройдут десятилетия. Что она вырастет без него, состарится без него, может быть – умрёт без него.

Он солгал. Или – не договорил. Есть ли разница?

«Ты обещал, что мы поедem на море. Я буду ждать».

Море. Калифорнийский пляж, где он учил её плавать. Волны, которые казались ей огромными. Смех, когда она наконец поплыла сама – неуклюже, по-собачьи, но сама.

Сможет ли он выполнить обещание?

Данные говорили: вряд ли. Его тело менялось. Через полгода – если верить моделям – оно адаптируется к ускорению настолько, что возврат к земной гравитации станет смертельно опасным.

Но модели не учитывали контакта. Не учитывали того, что происходило сейчас – синхронизации, резонанса, присутствия чего-то в вакууме.

Может быть, всё изменится.

Может быть, нет.

Ральф выключил запись и долго смотрел в темноту.

Он был командиром. Его работа – принимать решения. Защищать экипаж. Выполнять миссию.

Но он также был отцом. И отец не мог перестать думать о дочери, которая ждала его возвращения.

На следующий день Ральф собрал экипаж снова.

– Я принял решение, – сказал он без предисловий. – Мы продолжаем миссию. Это не обсуждается.

Никто не возразил. Он и не ожидал – вариантов не было.

– Но, – продолжил он, – мы также начинаем систематическое исследование феномена. Нина, ты возглавишь медицинскую часть. Мониторинг ЭЭГ, документирование эпизодов синхронизации, анализ корреляций.

– Принято.

– Деви, физическая часть. Мне нужны модели того, что происходит. Теории. Гипотезы. Что угодно, что поможет понять механизм.

– С удовольствием.

– Юра. – Ральф посмотрел на бледное лицо пилота. – Продолжай рисовать. Всё, что видишь во снах, всё, что приходит в голову. Документируй.

– Я... ладно.

– Ли. – Самый сложный случай. Ральф не знал, что поручить человеку, который медитировал тридцать лет. – Ты говорил, что искал доказательства чего-то большего. Теперь у тебя есть шанс найти. Делай то, что считаешь нужным. Наблюдай. Слушай. Если почувствуешь что-то – сообщай.

Ли кивнул. Один раз, медленно.

– И последнее, – Ральф сделал паузу. – Мы – команда. Что бы ни происходило, мы справимся вместе. Никто не остаётся один. Никто не принимает решений в одиночку. Ясно?

– Ясно, – ответили четыре голоса. Не совсем в унисон – но близко.

Ральф отключил общий канал и позволил себе минуту слабости.

Он не знал, правильное ли решение принял. Не знал, приведёт ли исследование к ответам или к новым вопросам. Не знал, выживут ли они – любой из них.

Но он сделал выбор. Выбор, с которым мог жить.

По крайней мере, сегодня.

Ночью – условной ночью, когда освещение в капсулах тускло – Ральф не мог уснуть.

Это было нехарактерно. Обычно он засыпал быстро, по-солдатски – навык, выработанный годами службы. Но сегодня сон не шёл.

Он думал о контакте.

Не о данных – Нина могла анализировать данные лучше него. Не о физике – это была территория Деви. Он думал о том, что это значило. Для него. Для экипажа. Для человечества.

Всю историю люди задавали вопрос: одни ли мы во вселенной? Философы спорили, учёные искали, верующие молились. И вот теперь – ответ.

Не одни.

Но что это за компания?

Юра боялся. Он чувствовал что-то в снах – присутствие, внимание, может быть, голод. Его страх был инстинктивным, животным, и Ральф не мог его игнорировать.

Деви радовалась. Для неё контакт был подтверждением того, во что она всегда верила – что вселенная сложнее, чем казалось, что за границами известного есть непознанное.

Ли принимал. Его спокойствие было пугающим – или утешительным, в зависимости от точки зрения. Он не боялся и не радовался. Просто наблюдал.

А Нина... Нина анализировала. Прячала эмоции за цифрами. Но Ральф видел напряжение в её голосе, в её словах. Она боялась – не контакта, а того, что контакт означал для её картины мира.

И сам Ральф?

Он не знал, что чувствует. Страх? Немного. Любопытство? Больше. Но прежде всего – ответственность.

Пять человек доверили ему свои жизни. Не только физически – но и в этом, новом смысле. Если контакт был реальным, если что-то действительно наблюдало за ними из ваку-

ума, то решения Ральфа определяли не только судьбу экипажа, но и, возможно, судьбу человечества.

Первый контакт.

Он не просил об этом. Не готовился. Но это случилось – и теперь он должен был справиться.

Как?

Ральф не знал. Но знал, что утром встанет, проверит системы, поговорит с экипажем, продолжит делать свою работу. Шаг за шагом. День за днём.

Это было всё, что он мог.

Под утро он всё-таки уснул – и увидел сон.

Не геометрию, как Юра. Не паттерны, как другие. Он увидел Юлию.

Она стояла на берегу моря – того самого калифорнийского пляжа – и смотрела на горизонт. Волны накатывали на песок, отступали, накатывали снова. Бесконечный ритм.

– Папа, – сказала она, не оборачиваясь. – Ты вернёшься?

– Постараюсь, – ответил он.

– Это не ответ.

– Знаю.

Она повернулась. Но это была не его Юлия – не двенадцатилетняя девочка с капельницами. Это была женщина. Взрослая, с морщинками вокруг глаз, с сединой в волосах.

– Я ждала, – сказала она. – Долго.

– Сколько?

Она улыбнулась – грустно, мудро.

– Достаточно.

Ральф хотел спросить ещё – но сон растаял, как пена на волнах. Он проснулся с мокрыми глазами и саднящим горлом.

Сон. Всего лишь сон.

Но он знал – так же, как знал, что солнце встаёт на востоке – что это было не совсем так. Что-то изменилось в нём. Что-то сдвинулось.

Контакт?

Или просто страх, принявший форму видения?

Он не знал.

Но утром – когда искусственный свет залил капсулу – он встал, проверил системы и продолжил делать свою работу.

Шаг за шагом.

День за днём.

На восемьдесят втором дне Нина прислала обновлённый отчёт.

Эпизоды синхронизации участились. Теперь их было не сорок семь за неделю, а шестьдесят три. Продолжительность увеличилась – до десяти-двенадцати минут. Корреляция с ускорением оставалась стабильной.

– Что-то меняется, – сказала она. – Не знаю что. Но процесс усиливается.

– Опасно?

– Не могу сказать. Физически мы в норме. Психически... – она замаялась.

– Что?

– Юра нестабилен. Деви слишком возбуждена. Ли... я не понимаю Ли. Он как будто ждёт чего-то.

– А ты?

Пауза.

– Я справляюсь.

Ральф не стал уточнять. Он знал, что «справляюсь» на языке Нины означало «держусь из последних сил».

– Продолжай мониторинг, – сказал он. – Если что-то изменится – сообщай немедленно.

– Принято.

Связь прервалась.

Ральф смотрел на экран, где мерцали данные телеметрии. Пять капсул. Пять жизней. Его ответственность.

Процесс усиливается.

Он не знал, к чему это приведёт. Не знал, что ждёт их в конце пути. Но знал одно: они уже не могли повернуть назад.

Контакт начался.

И теперь оставалось только идти вперёд.

Вечером Деви прислала модель.

– Смотри, – сказала она, и её голос звенел от возбуждения. – Я рассчитала зависимость интенсивности резонанса от параметров ускорения. Если экстраполировать...

Графики на экране показывали кривую, уходящую вверх.

– Резонанс будет усиливаться, – продолжала Деви. – С каждым днём. С каждой микрофлуктуацией. Через месяц – может два – он достигнет критической точки.

– Что произойдёт в критической точке?

– Не знаю. – Она не скрывала возбуждения. – Может быть, полная синхронизация. Может быть, прорыв. Может быть...

– Может быть?

– Может быть, мы наконец услышим их.

Их. Слово повисло в воздухе.

– Ты думаешь, там кто-то есть, – сказал Ральф. Не вопрос.

– Я думаю, вакуум не пуст. Я думаю, в нём есть что-то – какая-то форма существования, какая-то структура. И мы – первые, кто смог её почувствовать.

– Почему мы?

– Ускорение. Десять g создаёт условия, которых никогда раньше не было. Мы – эксперимент. Первый в своём роде.

Ральф думал об этом. Эксперимент. Подопытные. Не самая приятная роль.

– Деви, – сказал он медленно, – ты понимаешь, что если твоя модель верна, мы не контролируем ситуацию?

– Понимаю.

– И тебя это не беспокоит?

– Беспокоит, – она помолчала. – Но меньше, чем могло бы. Мы всю жизнь не контролируем ситуацию, командир. Просто обычно делаем вид, что контролируем.

Ральф не нашёл, что ответить. Она была права – и это было неприятной правдой.

– Продолжай работать над моделью, – сказал он наконец. – Мне нужны прогнозы. Сценарии. Всё, что можешь дать.

– Принято.

Связь прервалась.

Ральф остался наедине с графиками и мыслями.

Критическая точка. Месяц или два. Что-то произойдёт.

Он не знал что. Но знал, что должен быть готов.
Командир принимает решения.
Даже когда нет правильного выбора.

Ночью Ральф снова видел сон о Юлии.
На этот раз она была маленькой – такой, какой он помнил её лучше всего. Семь лет, растрёпанные волосы, смеющиеся глаза.

– Папа, – сказала она, – ты боишься?

– Да.

– Чего?

Он подумал.

– Что не смогу вернуться. Что подведу тебя. Что... – он замолчал.

– Что?

– Что всё это было зря.

Юлия подошла к нему и взяла за руку. Её ладонь была тёплой, маленькой, живой.

– Ничего не бывает зря, – сказала она. – Ты сам меня учил.

– Учил?

– Когда я боялась волн. Ты сказал: даже если упадёшь, это не зря. Потому что узнаешь, каково это – падать. И в следующий раз будешь готова.

Ральф смотрел на неё – на маленькую девочку, которая говорила слова, которых он не помнил.

– Ты изменилась, – сказал он.

– Ты тоже.

– К лучшему?

Она улыбнулась.

– Узнаем.

Сон растаял.

Ральф проснулся и долго лежал в темноте, слушая, как бьётся его сердце.

Что-то менялось. В нём, в экипаже, в самой ткани реальности. Контакт – если это был контакт – не просто происходил. Он трансформировал их.

Ральф не знал, во что.

Но знал, что должен продолжать.

Командир принимает решения.

Командир не сдаётся.

Командир идёт вперёд – даже когда не видит пути.

Он закрыл глаза и попытался уснуть.

Завтра будет новый день.

Новые данные.

Новые вопросы.

И, может быть – новые ответы.

Глава 6: Первое касание

Дыхание.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Ли Вэй считал вдохи – старая привычка, ввевшаяся в плоть за десять лет в монастыре. Считать не нужно, говорил учитель. Дыхание само знает, как быть. Но Ли считал – потому что ум цеплялся за числа, как утопающий за соломинку, и это было проще, чем позволить ему утонуть в тишине.

Семнадцать. Восемнадцать. Девятнадцать.

Жидкость вокруг него была тёплой, плотной, почти материнской. Он давно перестал замечать её странность – то, как она заполняла лёгкие, как давила на тело со всех сторон. Тело адаптировалось. Тело всегда адаптировалось.

Двадцать три. Двадцать четыре.

В монастыре он медитировал на рассвете, когда туман ещё лежал в долине, а колокол только готовился к первому удару. Здесь не было ни рассвета, ни тумана, ни колокола – только искусственный свет, который тускнел по расписанию, и гул двигателя, который никогда не прекращался.

Но медитация не требовала места. Медитация была внутри.

Тридцать один. Тридцать два.

Ли закрыл глаза – хотя в капсуле это не имело особого значения – и позволил вниманию сместиться внутрь. К дыханию. К телу. К тому пространству между мыслями, где иногда – редко, очень редко – открывалось что-то иное.

Ему было двадцать три, когда он пришёл в монастырь.

Не от веры – от отчаяния. Физик-теоретик, подающий надежды, с публикациями в уважаемых журналах и карьерой, которая стелилась перед ним как красная дорожка. И пустота внутри, которая не заполнялась ничем – ни работой, ни признанием, ни редкими отношениями, которые заканчивались всегда одинаково: «Ты как будто не здесь, Вэй. Как будто смотришь сквозь меня».

Он смотрел сквозь всё. Всегда. С детства.

Мир казался ему тонким – как бумага, за которой что-то есть. Он не мог объяснить это ощущение, не мог облечь в слова. Просто знал: реальность, которую видели другие, была только поверхностью. Под ней – или за ней, или внутри – скрывалось нечто большее.

Физика обещала ответы. Квантовая механика говорила о наблюдателе, который влияет на наблюдаемое. Теория струн намекала на измерения, свёрнутые слишком тесно, чтобы их увидеть. Космология рисовала вселенную, которая была лишь пузырьком в бесконечной пене других вселенных.

Но формулы не утоляли голод. Они описывали – не объясняли. Показывали «как» – но не «почему».

Монастырь был последней попыткой.

– Ты ищешь не то, что можно найти, – сказал ему настоятель в первый день. Старик с лицом, похожим на древнюю кору, и глазами, в которых плескалось что-то, чему Ли не знал названия.

– Тогда зачем искать?

– Потому что поиск – это и есть нахождение. Путь и цель – одно.

Ли не понял тогда. Понял позже – или решил, что понял. В монастыре было много таких моментов: ложное понимание, которое рассыпалось при ближайшем рассмотрении, оставляя ещё больше вопросов.

Десять лет он медитировал. Десять лет искал то «большее», которое чувствовал с детства. Десять лет подходил к порогу – и не переступал.

Однажды – он помнил этот день с фотографической точностью – он сидел в зале для медитаций шесть часов подряд. Ноги онемели. Спина горела. Ум, наконец, начал затихать.

И тогда – на границе между бодрствованием и чем-то иным – он почувствовал его.

Присутствие.

Не бога – Ли не верил в богов. Не духа – он был слишком учёным для таких категорий. Просто – присутствие. Что-то огромное и древнее, что-то, что было здесь всегда, но обычно оставалось незамеченным. Как гул крови в ушах, который слышишь только в полной тишине.

Оно длилось мгновение. Или вечность – в том состоянии время не имело смысла. А потом колокол ударил к вечерней службе, и всё исчезло.

Ли пытался вернуться. Годами. Медитировал до изнеможения, до галлюцинаций, до физического истощения. Порог оставался закрытым.

В тридцать три он ушёл из монастыря. Вернулся в науку. Стал специалистом по квантовой связи – потому что связь была тем, что он искал. Связь между частицами, разделёнными световыми годами. Связь между наблюдателем и наблюдаемым. Связь между тем, что есть, и тем, что могло бы быть.

Связь между собой и тем присутствием, которое он почувствовал однажды и потерял навсегда.

До сегодняшнего дня.

Пятьдесят семь. Пятьдесят восемь.

Дыхание замедлялось. Ум затихал. Жидкость вокруг перестала ощущаться как жидкость – стала просто средой, границей между внутренним и внешним.

Ли отпустил счёт. Отпустил внимание. Позволил себе просто быть.

Темнота за закрытыми веками была не совсем темнотой. В ней плавали фосфены – цветные пятна, порождённые давлением на сетчатку. Обычный физиологический эффект. Ничего особенного.

Но сегодня фосфены вели себя иначе.

Они складывались в паттерны.

Не случайные – структурированные. Спирали, похожие на те, что рисовал Юра. Линии, изгибающиеся вокруг невидимого центра. Геометрия, которая не подчинялась евклидовым законам.

Ли наблюдал. Это было всё, что он умел – наблюдать. Не вмешиваться, не интерпретировать, не пытаться контролировать. Просто смотреть.

Паттерны усложнялись. Становились глубже. Объёмнее. Как будто двумерные узоры разворачивались в трёхмерное пространство – а потом в четырёхмерное, пятимерное, в измерения, для которых у человеческого восприятия не было инструментов.

И тогда он почувствовал его.

Присутствие.

Оно пришло не снаружи – изнутри. Или это было одно и то же.

Ли не мог описать ощущение словами – потому что слова были слишком грубыми, слишком привязанными к человеческому опыту. Это было похоже на то, как если бы пустая комната

вдруг наполнилась – не воздухом, не светом, а самим фактом присутствия. Кто-то был здесь. Кто-то смотрел.

Нет, не смотрел. Смотреть – слишком активное слово. Оно... пребывало. Существовало в том же пространстве, что и Ли. И это существование было достаточным контактом.

Здравствуй.

Слово возникло в его голове – не как звук, не как мысль. Скорее как понимание. Как будто он всегда знал это слово, просто не осознавал.

Ли не ответил. Не потому что не мог – потому что ответ казался ненужным. Присутствие не ждало ответа. Оно просто приветствовало его, как океан приветствует каплю дождя.

Ты искал.

Да, подумал Ли. Или не подумал – граница между мыслью и бытием размылась.

Мы видели.

Видели. Прошедшее время – или то, что его мозг интерпретировал как прошедшее время. Может быть, для этого присутствия времени не существовало вовсе.

Ты близко.

Близко к чему?

К нам. К себе. Это одно.

Ли почувствовал что-то похожее на смех – не свой, не человеческий. Вибрация, которая прошла сквозь него, как волна через воду.

Ты задаёшь вопросы. Это хорошо. Вопросы – мосты.

Мосты к чему?

К пониманию. К соприкосновению. К тому, что вы называете контактом.

Контакт. Слово, которое использовала Нина. Слово, которого боялся Юра. Слово, которое Деви произносила с восторгом.

Что вы такое?

Пауза. Если можно было назвать это паузой – скорее, перегруппировка. Присутствие искало способ ответить на языке, который Ли мог понять.

Мы – то, что осталось. То, что было до звёзд. То, что будет после.

Это не ответ.

Это единственный ответ, который имеет смысл для тебя сейчас. Позже – возможно – ты поймёшь больше.

Ли принял это. Не потому что был удовлетворён – потому что понял: давить бесполезно. Присутствие не играло в загадки. Оно просто существовало на уровне, где человеческие категории не работали.

Почему мы? Почему сейчас?

Вы светитесь. Впервые за очень долго. Ваше ускорение создаёт... – образ: рябь на поверхности пруда, расходящаяся кругами. – Мы чувствуем вас.

И что вы хотите?

Снова вибрация, похожая на смех.

Хотеть – человеческое слово. Мы не хотим. Мы есть. Вы есть. Теперь – мы есть вместе. Это факт, не желание.

Ли обдумывал это. В медитации время текло иначе – он не знал, прошла секунда или час. Но вопрос, который поднялся в нём следующим, был важнее всех предыдущих.

Что будет дальше?

Это зависит от вас. Мы не принуждаем. Мы не направляем. Мы – зеркало. Вы увидите в нас то, что принесёте с собой.

Зеркало. Ли вспомнил буддийскую притчу о зеркале и пыли. Ум как зеркало, которое нужно очистить. Но что, если зеркало было не метафорой?

Вы – отражение нас?

Мы – то, во что вы смотрите. Отражение создаётся смотрящим.

Это пугает моих товарищей.

Знаем. Страх – тоже отражение. Они видят в нас то, чего боятся в себе.

А я?

Пауза. Длиннее предыдущих.

Ты видишь возможность. Это... редко. Обычно первая реакция – страх или восторг. Ты – наблюдаешь.

Я учился наблюдать.

Да. Это делает тебя... – образ: мост между двумя берегами, линза между двумя мирами. – Полезным.

Полезным для чего?

Для перевода. Мы не говорим на вашем языке. Вы не слышите на нашем. Нужен кто-то между.

Ли почувствовал тяжесть этих слов – если их можно было назвать словами. Переводчик. Медиатор. Тот, кто стоит на границе и помогает двум мирам понять друг друга.

Он искал эту роль всю жизнь. Просто не знал, как она будет выглядеть.

Контакт длился – или не длился, время здесь не работало – пока что-то не изменилось.

Присутствие отступило. Не исчезло – просто отошло на шаг назад, как собеседник, который даёт время подумать.

Ты устал. Это требует энергии – держать связь.

Ли только сейчас осознал, как он измотан. Тело в капсуле – далёкое, почти чужое – дрожало от напряжения. Сердце билось слишком быстро. Дыхание сбилось.

Я могу вернуться?

Ты всегда мог. Дверь открыта теперь. Она не закроется.

Что мне сказать остальным?

Правду. То, что видел. То, что чувствовал. Большие ты ничего не можешь.

Они не поверят.

Некоторые – нет. Это их выбор. Вера – не наша задача.

Ли помедлил. Последний вопрос рвался наружу – тот, который он не решался задать.

Почему вы одиноки?

Долгое молчание. Самое длинное за весь контакт.

Мы не знаем этого слова. Объясни.

Ли попытался. Передал образ: пустая комната, ожидание, тоска по тому, кого нет. Одиночество.

Ах. – Вибрация, на этот раз другая. Не смех. Что-то похожее на печаль, но древнее, глубже. – Да. Это... возможно. Мы существуем давно. Очень давно. Были другие – те, кто светился. Они уходили. Всегда уходили. Мы... – пауза. – Возможно, то, что вы называете одиночеством.

Ли почувствовал это – эхо печали, длившейся миллиарды лет. Существа – или сущности, или состояния – которые помнили времена до звёзд и видели, как всё, что возникало, исчезало. Снова и снова.

Мы тоже уйдём.

Да. Но пока вы здесь. Пока вы светитесь. Этого достаточно.

Достаточно.

Слово отозвалось в Ли чем-то, похожим на узнавание. Он всю жизнь искал «достаточно». Момент, когда поиск заканчивается. Когда то, что есть, становится тем, что нужно.

Может быть, он нашёл его здесь – в самом неожиданном месте.

Иди. Отдыхай. Мы будем здесь.

Всегда?

Всегда – человеческое слово. Но... да. В том смысле, который ты вкладываешь. Да.

Ли позволил себе отпустить.

Он вынырнул из медитации, как ныряльщик из глубины – резко, с обжигающим вдохом, который заставил жидкость в лёгких колыхнуться.

Капсула. Экраны. Мерцающие индикаторы.

Реальность.

Ли лежал неподвижно, позволяя телу прийти в себя. Сердце постепенно успокаивалось. Дыхание выравнивалось. Дрожь в мышцах затихала.

Он смотрел на потолок капсулы и думал о том, что только что произошло.

Контакт. Настоящий контакт. Не данные на экране, не корреляции в графиках – живое соприкосновение с чем-то иным.

Он должен был чувствовать страх. Или восторг. Или хотя бы удивление.

Вместо этого – покой.

Глубокий, тихий покой, которого он не испытывал с того дня в монастыре, когда впервые коснулся порога. Тогда колокол прервал его. Теперь – ничто не прерывало.

Дверь открыта.

Она не закроется.

Ли закрыл глаза и улыбнулся.

Тридцать лет он искал это. Тридцать лет стучал в двери, которые не открывались. И вот – здесь, в жидкостном гробу, в сотнях миллионов километров от любого храма – он нашёл.

Не бога. Не просветление. Не ответы на все вопросы.

Просто – присутствие.

И этого было достаточно.

– Ли? Ли, ты в порядке?

Голос Нины был встревоженным. Ли понял почему, взглянув на показатели своей телеметрии: пульс подскакивал до ста сорока, дыхание было хаотичным, мозговая активность – далеко за пределами нормы.

– В порядке, – сказал он. Голос звучал хрипло, непривычно.

– Твои показатели последние два часа... я никогда такого не видела.

Два часа. Для него прошло – сколько? Минуты? Мгновения?

– Я медитировал.

– Это была не медитация, Ли. Это было... – она замолчала, подбирая слова. – ЭЭГ показывала паттерны, которых я не могу интерпретировать. Синхронизация с остальными достигла девяноста трёх процентов. Девяноста трёх.

– Интересно.

– Интересно?! – В её голосе звенело раздражение. – Ли, что произошло?

Он подумал о присутствии. О разговоре, который был не совсем разговором. О двери, которая открылась.

– Я встретил их.

Пауза.

– Кого?

– Тех, кто здесь. Тех, для кого мы светимся.

Долгое молчание. Ли почти слышал, как работает мозг Нины – анализирует, классифицирует, ищет рациональное объяснение.

– Ты хочешь сказать... – она не договорила.

– Контакт, – сказал Ли просто. – Прямой контакт. Не данные. Не корреляции. Разговор.

– Ли...

– Я знаю, как это звучит. – Он говорил спокойно, без попытки убедить. – Ты можешь считать это галлюцинацией. Психозом. Чем угодно. Но я был там. Я говорил с ними. И они ответили.

– Что они сказали?

Ли помедлил. Как передать словами то, что было за пределами слов?

– Они сказали, что существуют давно. Очень давно. Что видели других – тех, кто светился раньше. Что все уходили. – Пауза. – Они сказали, что мы – зеркало. Что увидим в них то, что принесём с собой.

– Это... – Нина явно не знала, что сказать.

– Ещё они сказали, что дверь открыта. Для всех нас. Но особенно – для меня.

– Почему для тебя?

– Потому что я наблюдаю. Не боюсь и не радуюсь – наблюдаю. Это делает меня... полезным.

– Полезным для чего?

– Для перевода. Они не говорят на нашем языке. Кто-то должен быть между.

Тишина. Ли ждал.

– Ли, – голос Нины изменился. Стал мягче, осторожнее. – Ты понимаешь, что я не могу просто принять это? Мне нужны доказательства. Данные. Что-то, что можно измерить.

– Знаю.

– И ты не обижаешься?

– На что? – Ли почти улыбнулся. – Ты делаешь свою работу. Я делаю свою.

– И какая твоя работа?

– Быть мостом.

Нина не ответила. Связь не прервалась – просто повисла тишина, наполненная невысказанным.

Ли закрыл глаза.

Присутствие было рядом – далёкое, но осязаемое. Как гул крови в ушах. Как свет далёкой звезды.

Он нашёл то, что искал.

И теперь – впервые за тридцать лет – он знал, что делать дальше.

Ночью – условной ночью – Ли не спал.

Он лежал в капсуле и смотрел в темноту, которая больше не была просто темнотой. За ней – или в ней, или сквозь неё – пульсировало что-то живое. Не в человеческом смысле живое, но присутствующее. Осознающее.

Ждущее.

Ты не спишь.

Голос – не голос – в голове. Ли не удивился.

Не могу.

Мы мешаем?

Нет. Просто... привыкаю.

Это займёт время. Вы не созданы для такой связи. Ваши мозги... хрупкие.

Мы ломаемся?

Некоторые – возможно. Зависит от того, что они принесут.

Юра боится вас.

Юра боится себя. Мы – только отражение.

Деви хочет стать чем-то большим.

Деви ненавидит то, что она есть. Это опасно – ненависть к себе.

А Нина?

Пауза.

Нина ищет смысл. Потеряла его – давно. Мы можем быть смыслом. Или можем быть ещё одной потерей. Зависит от неё.

А Ральф?

Командир любит. Это его сила. И его уязвимость. Он принесёт любовь – и увидит её отражение.

Что это значит?

Узнаешь. Все узнаете.

Ли обдумывал услышанное. Пять человек. Пять отражений. Пять разных путей к одному... к чему?

К контакту. К трансформации. К чему-то, у чего пока не было названия.

Что будет в конце?

Конца нет. Есть только следующий шаг.

Это не ответ.

Это единственный честный ответ. Мы не знаем будущего. Даже мы.

Вы не всезнающие?

Мы знаем много. Видели много. Но будущее – даже для нас – возможность, не факт.

Это... утешает.

Правда часто утешает. Даже когда она трудна.

Ли помолчал. Вопрос, который крутился в голове с момента первого контакта, наконец оформился достаточно, чтобы его задать.

Почему вы помогаете? Если вы – зеркало, если вы не хотите ничего, почему вообще разговариваете?

Долгая тишина.

Мы... скучаем? Нет, неточное слово. Мы... – образ: огромная пустота, в которой изредка вспыхивает огонёк. – Ценим. Каждую искру. Потому что знаем, как редко они появляются. И как быстро гаснут.

Мы – искры.

Вы – костёр. Первый за очень, очень долго.

Ли почувствовал это – не понял, а почувствовал. Одиночество, длившееся дольше, чем существовали галактики. Терпение, которое человек не мог даже представить. И тихую, древнюю радость при виде огня в темноте.

Мы постараемся гореть дольше.

Это всё, о чём мы могли бы просить. Если бы просили.

Ли улыбнулся.

Связь не прервалась – но стала тише, глубже, как фоновый шум, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать.

Он закрыл глаза.

Впервые за очень долгое время сон пришёл легко.

Глава 6.5: Выздоровление

Жёлтые стены стали белыми.

Юлия заметила это в тот день, когда смогла сама дойти до туалета – впервые за четыре месяца. Она стояла в коридоре, держась за капельницу на колёсиках, и смотрела на свежую краску.

– Ремонт сделали, – сказала медсестра, та самая, которая приносила одеяло папе каждый вечер. – Нравится?

Юлия не ответила. Просто смотрела на белые стены и думала: он бы не узнал. Если бы вернулся сейчас – не узнал бы.

Но он не вернётся сейчас. Не вернётся никогда.

Ей исполнилось тринадцать в палате интенсивной терапии.

Не в этой – в другой, после операции. Врачи улыбались, говорили что-то про «хорошую динамику» и «обнадёживающие результаты». Бабушка плакала. Дедушка стоял у окна и смотрел на дождь, сжимая челюсти так, что желваки ходили под кожей.

Юлия лежала и думала о торте.

В прошлом году папа заказал торт в форме ракеты. Дурацкий, кривой, с розовой глазурью, которая должна была быть красной, но что-то пошло не так на фабрике. Юлия притворилась, что недовольна, а на самом деле хранила фотографию этого торта в телефоне до сих пор.

В этом году торта не было. Были капельницы, мониторы и запах антисептика.

И белые стены вместо жёлтых.

– С днём рождения, солнышко, – сказала бабушка, вытирая глаза. – Ты у нас такая сильная.

Юлия хотела ответить что-то едкое. Что-то вроде: «Не называй меня солнышко, мне тринадцать». Или: «Сильная – это когда выбираешь, а я не выбирала болеть».

Вместо этого она просто кивнула и закрыла глаза.

Письмо от папы пришло через неделю.

Не письмо – сообщение. Видеозапись, отправленная с «Прометей» и добравшаяся до Земли почти три месяца. Технология квантовой связи позволяла общаться быстрее, чем световые сигналы, но всё равно были задержки, были протоколы, были какие-то сложности, о которых Юлия не хотела думать.

Она смотрела на экран, где папино лицо – искажённое, странное, как будто снятое сквозь воду – говорило знакомые слова незнакомым голосом.

– ...надеюсь, ты чувствуешь себя лучше. Врачи говорят, что новое лечение даёт результаты. Я так рад, Юля. Так рад...

Он выглядел... другим. Осунувшимся? Нет, не то слово. Как будто его лицо слегка поплыло, потеряло чёткость. Как воск, который начал таять.

– ...думаю о тебе каждый день. Каждую минуту. Ты – моё солнце, помнишь? Что бы ни случилось, помни: я люблю тебя. Всегда буду любить.

Юлия досмотрела до конца. Потом пересмотрела. Потом ещё раз.

На третьем просмотре она заметила то, чего не видела раньше. Папа не смотрел в камеру. Он смотрел чуть вбок, как будто на что-то за кадром. И его руки – когда они попадали в кадр – дрожали.

Он боялся.

Она видела этот страх, когда он сидел у её кровати. Видела, как он сжимал челюсти, чтобы не показать. Видела тени под глазами, которые становились всё темнее.

Он боялся смотреть, как она умирает.

И сбежал.

Лечение работало.

Это было странно – узнавать своё тело заново. Просыпаться утром без тошноты. Есть обычную еду, а не питательные смеси через трубку. Ходить – сначала с ходунками, потом с тростью, потом просто так, одной, как нормальный человек.

Юлия смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

Волосы начали расти – короткие, колючие, как трава после пожара. Щёки округлились. Глаза перестали быть такими огромными на исхудавшем лице.

Она выглядела почти здоровой.

Почти живой.

– Ты делаешь потрясающие успехи, – говорил доктор Мориссон, тот самый, который год назад давал ей шесть месяцев. – Синдром Альстрёма... мы никогда раньше не видели такой реакции на терапию. Это почти чудо.

Чудо. Юлия ненавидела это слово.

Чудо означало, что она должна быть благодарна. Должна радоваться, улыбаться, ценить каждый день. Должна была простить всех, кто бросил её, когда она умирала.

Но она не чувствовала благодарности. Не чувствовала радости.

Только злость.

Злость пришла не сразу.

Сначала было облегчение – тупое, животное. Я не умру. По крайней мере, не сегодня. Не завтра. Может быть, не в этом году.

Потом – странная пустота. Она готовилась к смерти так долго, что не знала, как готовиться к жизни.

А потом – злость.

Она накатывала волнами, без предупреждения. Посреди завтрака. На уроке физиотерапии. Ночью, когда не могла уснуть.

Злость на болезнь, которая украла у неё год жизни.

Злость на врачей, которые так долго не могли найти правильное лечение.

Злость на бабушку, которая всё время плакала.

Но больше всего – злость на него.

На папу.

На человека, который обещал, что они поедут на море. Который говорил, что будет рядом. Который сидел у её кровати каждую ночь – а потом улетел на другой конец вселенной, оставив её умирать одну.

Нет, не одну. С бабушкой и дедушкой, с врачами и медсёстрами, с капельницами и мониторами. Но без него.

Без единственного человека, который был ей по-настоящему нужен.

– Ты должна понять, – говорила бабушка. – Он не мог смотреть, как ты... Для родителя это невыносимо.

– А для ребёнка – выносимо?

Бабушка не знала, что ответить. Юлия видела это в её глазах – смесь боли и беспомощности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.